ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

КОНДОРСЭ

ЕГО ЖИЗНЬ И НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. Ѳ. Литвиновой

Съ портретомъ Кондорсэ, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

Бол. Подъяческая, 39

1894

Кондорсе.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

L 86

КОНДОРСЭ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ, НАУЧНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. Ѳ. Литвиновой

Съ портретомъ Кондорсэ, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕНН. ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

Бол. Подъяческая, 39

1894

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 21 Іюня 1894 г.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

7345а-0

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе 5

ГЛАВА I. Предки Кондорсэ.—Мать и ея вліяніе въ раннемъ дѣтствѣ; развитіе чувствительности и сдержанности.—Первоначальное образованіе въ Реймсѣ.—Отрицательное вліяніе іезуитовъ.—Поступленіе въ Наваррскую коллегію и первые успѣхи на математическомъ поприщѣ.—Отношеніе Кондорсэ къ чистой наукѣ.—Кондорсэ и Даламберъ 7

ГЛАВА II. Характеръ Кондорсэ.—Г-жа Сюоръ о характерѣ Кондорсэ.—Портретъ Кондорсэ, набросанный г-жей Леспинассъ.—Отношенія Кондорсэ къ Вольтеру и занятія литературой.—Мысли Кондорсэ о дружбѣ.—Личность Тюрго и дружба съ Кондорсэ. 14

ГЛАВА III. Министерство Тюрго и его паденіе.—Перемѣны въ политическихъ взглядахъ Кондорсэ.—Кондорсэ—предсѣдатель комитета по уравненію мѣръ и вѣсовъ.—Кондорсэ, какъ секретарь академіи наукъ.—Похвальныя рѣчи Кондорсэ академикамъ.—Рѣчь Кондорсэ, произнесенная во французской академіи въ присутствіи Павла I 23

ГЛАВА IV. Личная жизнь Кондорсэ.—Отношеніе его къ женщинамъ вообще.—Женитьба на г-жѣ де-Груши.—Личность жены Кондорсэ.—Общій характеръ салона Кондорсэ.—Журнальная дѣятельность Кондорсэ.—Кондорсэ, какъ популяризаторъ.—Начало его политической дѣятельности 34

ГЛАВА V. Кондорсэ—членъ конвента.—Участіе въ заграничной пропагандѣ. Протестъ противъ осужденія и казни короля.—Общее настроеніе въ то время.—Отношеніе къ нему Кондорсэ.—Кондорсэ—членъ коммиссіи составленія проекта конституціи.—Проектъ Кондорсэ отвергнутъ.—Кондорсэ объявленъ внѣ закона 42

стр.

ГЛАВА VI. Послѣдніе годы жизни Кондорсэ.—Личность г-жи Вернэ и жизнь Кондорсэ въ ея домѣ.—Заботы о женѣ и дочери.—Стихотвореніе, посвященное женѣ.—Начало апологіи политической дѣятельности. — Сочиненіе Кондорсэ «Картина успѣховъ человѣческаго разума» и его завѣщаніе.—Кондорсэ оставляетъ домъ Вернэ.—Арестъ и смерть 49

ГЛАВА VII. Выдержки изъ завѣщанія Кондорсэ.—Совѣты дочери.—О состраданіи.—О трудѣ и счастіи.—О благотворительности.—О значеніи въ жизни различнаго рода привязанностей и симпатій.—О сознаніи своихъ ошибокъ.—Объ отношеніи къ собственнымъ страстямъ 60

ГЛАВА VIII. Общіе итоги теоретической дѣятельности Кондорсэ: въ области математики, философіи, политической экономіи; главныя заслуги его въ области соціологіи, какъ *основателя теоріи прогресса*.—«Картина успѣховъ человѣческаго разума».—«Трактатъ о публичномъ образованіи». 64

ВВЕДЕНІЕ.

Имя Кондорсэ извѣстно математикамъ, экономистамъ, философамъ, политическимъ дѣятелямъ, но ни первые, ни вторые, ни третьи не составятъ себѣ полнаго понятія о силѣ ума этого замѣчательнаго человѣка, разсматривая какой нибудь одинъ родъ этой дѣятельности, потому что ни въ одной изъ названныхъ областей знанія онъ не сдѣлалъ того, что́ могъ бы сдѣлать въ томъ случаѣ, еслибы отдался исключительно одной наукѣ. Личность этого истиннаго друга человѣчества такъ своеобразно отразилась на его дѣятельности, что пониманіе послѣдней безъ уясненія первой сдѣлалось невозможнымъ. Великіе современники Кондорсэ—Даламберъ, Лагранжъ, Вольтеръ, Тюрго и другіе—высоко цѣнили его умъ и талантъ, и всѣ безъ исключенія преклонялись передъ его нравственностью. Однако слава Кондорсэ при жизни и послѣ смерти была далеко не пропорціональна его дарованіямъ и заслугамъ; толпа его не понимала; онъ слишкомъ опередилъ свой вѣкъ, и имя его никогда не гремѣло при жизни; не скоро отдали ему должное и по смерти. Въ исторіи конвента имя Кондорсэ является блѣднымъ сравнительно съ именами Робеспьера, Дантона, Марата. Въ исторіи философіи ему посвящаютъ нѣсколько строкъ. Не болѣе посчастливилось ему и въ другихъ наукахъ до нашего времени. Въ 1894 г. въ мартѣ мѣсяцѣ исполнилось сто лѣтъ со дня смерти Кондорсэ и отношеніе къ нему во Франціи совершенно измѣнилось. Эту знаменательную перемѣну нашъ извѣстный экономистъ М. Ковалевскій описываетъ слѣдующимъ образомъ. Въ столѣтнюю годовщину смерти Кондорсэ, родоначальника теоріи «прогресса», Франція ставитъ ему памятникъ, котораго до сихъ поръ не имѣютъ ни Мирабо, ни Верньо, ни

вожаки монтаньяровъ, за исключеніемъ одного только Дантона. Въ чемъ лежитъ причина такого пристрастія; какую особую притягательную силу имѣетъ въ себѣ эта личность; что̀ заставляетъ различныя партіи окружать ее одинаковымъ почетомъ? Въ Кондорсэ воплощаются одновременно и духъ великаго вѣка философіи, духъ энциклопедистовъ и физіократовъ, и политическія стремленія, восторжествовавшія уже въ наше время. Въ немъ ученый математикъ, блестящій экономистъ и публицистъ сливаются съ однимъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ и основателей народовластія, съ дѣйствительнымъ виновникомъ проведенной конвентомъ реформы публичнаго образованія, наконецъ съ творцомъ той новой науки, которая приближается къ современной намъ исторіи культуры и гражданственности. Въ то же время Кондорсэ, какъ политическій дѣятель, не забрызганъ кровью сентябрьскихъ жертвъ; его имя не встрѣчается въ спискѣ ближайшихъ виновниковъ смерти Людовика XVI; онъ ближе всѣхъ дѣятелей своего времени къ интересамъ и задачамъ нашего. Современники его, пользовавшіеся въ свое время бо̀льшей славой, отходятъ теперь на второй планъ. Они въ свое время затмили Кондорсэ своими болѣе бросающимися въ глаза качествами, теперь же истина вступаетъ въ свои права. И эта посмертная участь Кондорсэ представляетъ нѣчто въ высшей степени для насъ поучительное. Изъ біографіи Кондорсэ мы увидимъ. что онъ самъ менѣе всего стремился къ собственной славѣ и постоянно думалъ о благѣ человѣчества. Не смотря на то, мы по всей вѣроятности знали бы о личности его очень немногое, еслибы онъ не стоялъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Вольтеромъ, Даламберомъ и др. Тѣми біографическими данными, которыми мы теперь располагаемъ, мы обязаны также его близкимъ друзьямъ и роднымъ. Эти данныя мы находимъ въ біографіи Кондорсэ, написанной Араго, въ біографіи, приложенной къ изданію его сочиненій 1847 г., и наконецъ въ позднѣйшемъ сочиненіи Робинэ «Vie de Condorcet» и въ статьѣ М. Ковалевскаго о Кондорсэ въ «Вѣстникѣ Европы» 1894 г. за мартъ и апрѣль. Но лучшими пособіями къ уясненію личности Кондорсэ служитъ переписка его съ Тюрго и съ Вольтеромъ, написанныя имъ біографіи замѣчательныхъ людей, въ которыхъ онъ такъ прекрасно высказываетъ свои общіе взгляды на жизнь, а также его завѣщаніе или совѣты дочери, посланіе къ стихахъ, посвященное женѣ, и наконецъ соб-

ственная политическая исповѣдь, написанная въ послѣдній годъ жизни. Вотъ и всѣ матеріалы, которыми можно располагать въ настоящее время для уясненія сложной и въ высшей степени интересной личности Кондорсэ.

ГЛАВА I.

Предки Кондорсэ.—Мать и ея вліяніе въ раннемъ дѣтствѣ; развитіе чувствительности и сдержанности.—Первоначальное образованіе въ Реймсѣ.—Отрицательное вліяніе іезуитовъ.—Поступленіе въ Наваррскую коллегію и первые успѣхи на математическомъ поприщѣ.—Отношеніе Кондорсэ къ чистой наукѣ.—Кондорсэ и Даламберъ.

Жанъ-Антуанъ-Николя Коришотъ маркизъ де-Кондорсэ принадлежалъ къ древнему роду французской аристократіи. Предки его извѣстны между прочимъ тѣмъ, что едва-ли не первые во Франціи приняли и открыто исповѣдовали протестантскую религію. Нѣкоторые изъ нихъ прославились своей храбростью на войнѣ, другіе занимали высокое положеніе въ духовной іерархіи и выдавались стойкостью своихъ убѣжденій. Отецъ Кондорсэ служилъ капитаномъ въ кавалеріи. Дядя же, старшій братъ отца, былъ вліятельный епископъ въ Лизье и отличался сильнымъ характеромъ; онъ всегда выступалъ заклятымъ врагомъ янсенистовъ, противъ которыхъ также много писалъ. Наслѣдственный замокъ Кондорсэ, находившійся въ Дофинэ, перешелъ по наслѣдству къ старшей линіи. Коришотъ Кондорсэ родился 17 сентября 1743 года въ Пикардіи, въ маленькомъ городкѣ Рибемонѣ. Отецъ его умеръ въ то время, когда сыну шелъ пятый годъ. Какъ видно, капитанъ оставилъ послѣ себя ограниченное состояніе; намъ извѣстно, что издержки по воспитанію Коришота принялъ на себя епископъ въ Лизье. Мать Кондорсэ, урожденная де-Кудре, была женщина нѣжная, впечатлительная, сострадательная, пламенно преданная религіи и въ то же время преисполненная сословныхъ предразсудковъ. Лишившись мужа и оставшись съ ограниченными средствами, она чувствовала себя одинокой, беззащитной въ жизни и прибѣгала «къ теплой защитницѣ міра холоднаго»; она посвятила Божьей матери и своего единственнаго сына. Кондорсэ отъ природы былъ крѣпкаго сложенія, широкоплечій, съ высокой грудью. Его высокопоставленные родственники видѣли въ немъ будущаго воина—храбраго защитника Франціи, а мать трепе-

тала при одной мысли, что ея сынъ будетъ проливать чужую кровь и подвергать опасности свою жизнь.

До восьми лѣтъ Кондорсэ не снималъ бѣлаго длиннаго платья изъ тонкаго батиста, обшитаго кружевомъ; оно должно было служить символомъ чистоты и непорочности дитяти, посвященнаго Богу. Это платье вообще играло важную роль въ жизни Кондорсэ. Изъ-за него онъ позднѣе, чѣмъ его сверстники, поступилъ въ школу; другіе мальчики стали бы смѣяться надъ нимъ и дергать за юбку, называя дѣвчонкой; платье же мѣшало ему принимать участіе въ играхъ и шалостяхъ. Онъ хорошо зналъ, въ какой ужасъ пришла бы его мать, увидѣвъ сына въ испачканномъ и разорванномъ платьѣ; а это легко могло случиться, еслибы онъ началъ представлять изъ себя лошадку или кучера. Боязнь огорчить любимую мать пріучила отъ природы живого и рѣзваго мальчика сдерживать свои желанія и порывы въ самомъ раннемъ возрастѣ. Мать замѣчала во всей вѣроятности, что слишкомъ стѣсняетъ сына, и совѣсть упрекала ее за это, но мысль увидѣть его съ исцарапаннымъ лицомъ или съ подбитымъ глазомъ была невыносима тонкой, изящной аристократкѣ. Наблюдательный, вдумчивый мальчикъ также замѣчалъ эту борьбу въ сердцѣ матери и старался казаться равнодушнымъ къ лишенію своей дѣтской свободы; такъ научился онъ владѣть и выраженіемъ своего лица. Вслѣдствіе неподвижности въ дѣтствѣ, мускулы его развивались вяло; онъ такъ и остался неловкимъ на всю жизнь и, жалуясь впослѣдствіи на слабость ногъ, приписывалъ происхожденіе ея своему длинному бѣлому платью, сильно стѣснявшему движенія ихъ въ дѣтствѣ. Подъ вліяніемъ матери же у Кондорсэ развились чувствительность и состраданіе не только къ людямъ, но и къ животнымъ. Отсутствіе же дѣтскихъ игръ и развлеченій развило въ немъ наблюдательность и привычку размышлять. Но созерцательному ребенку, одаренному добрымъ и честнымъ сердцемъ, приходилось часто слушать надменные разговоры родныхъ, проникнутыхъ сословными предразсудками, и онъ рано началъ задумываться надъ вопросами справедливости и нравственности. Дядя-прелатъ вполнѣ одобрялъ первоначальное глубоко религіозное воспитаніе своего племянника, но, когда мальчику пошелъ девятый годъ, онъ замѣтилъ невѣсткѣ, что пора наконецъ освободить будущаго прелата или воина отъ женскаго платья, и черезъ годъ онъ отвезъ мальчика въ

Реймсъ въ учебное заведеніе, находившееся въ то время въ рукахъ іезуитовъ. Умственныя силы Кондорсэ обнаружились очень скоро; онъ прекрасно учился и вообще особенно охотно занимался гуманными науками, составлявшими главные предметы въ школѣ, но, не смотря на то, что Кондорсэ провелъ свои отроческіе годы подъ исключительнымъ вліяніемъ іезуитовъ, его доброе сердце помѣшало ему проникнуться свойственнымъ имъ духомъ религіозной нетерпимости; напротивъ, противоположное чувство рано пустило въ душѣ его глубокіе корни.

Въ пятнадцать лѣтъ онъ былъ безпорочнымъ и честнымъ юношей; чувствительность его была такъ велика, что онъ не могъ заниматься ни охотой, ни рыбной ловлей. Дядя-прелатъ очень усердно слѣдилъ за успѣхами своего племянника и вѣроятно скоро замѣтилъ въ немъ проявленія пытливаго, свободнаго ума и несклонность къ духовному поприщу и сталъ готовить его къ военному званію.

Всякое другое занятіе считалось въ то время унизительнымъ для дворянина. Но для военнаго неизбѣжно знаніе математики, которая находилась въ пренебреженіи у іезуитовъ. Изъ того, что Кондорсэ былъ отданъ дядею къ іезуитамъ, и возможно предположить, что мальчикъ начально готовился къ духовному поприщу.

Въ 1758 году Кондорсэ получилъ уже награду за успѣхи въ словесныхъ наукахъ и перешелъ въ Парижъ въ Наваррскую коллегію, гдѣ началъ свое математическое образованіе. Успѣхи его въ этой наукѣ были поразительны. Черезъ десять мѣсяцевъ послѣ вступленія своего въ коллегію Кондорсэ, въ присутствіи Даламбера, Клеро и Фонтеня, превосходно защищалъ очень трудный тезисъ изъ области высшаго анализа, и эти свѣтила науки тогда же признали въ немъ своего будущаго знаменитаго собрата. Такое единогласное одобреніе великихъ математиковъ возбудило въ молодомъ Кондорсэ ревностное желаніе отдаться математикѣ. Однако ученая карьера не входила въ планы его дяди и другихъ родныхъ; всѣ они смотрѣли на занятія математикой какъ на переходное, необходимое для будущей военной карьеры. Вопреки всѣмъ желаніямъ родныхъ, Кондорсэ рѣшилъ посвятить себя наукѣ и, окончивъ курсъ въ коллегіи, поселился у своего бывшаго учителя Жиро де-Керуду въ Парижѣ, гдѣ велъ тихую, скромную жизнь.

Въ то время, несмотря на молодость своихъ лѣтъ, онъ

былъ уже глубокимъ мыслителемъ. Но не одна математика занимала умъ и сердце семнадцатилѣтняго юноши; онъ предавался размышленіямъ объ основахъ нравственности и справедливости и создавалъ свою собственную теорію нравственности.

Съ юныхъ лѣтъ Кондорсэ вѣрилъ въ то, что родъ человѣческій способенъ къ безпредѣльному совершенствованію, и самой пріятной обязанностью считалъ непосредственное содѣйствіе этому безконечному прогрессу; онъ также былъ убѣжденъ, что это вообще есть первая обязанность всякаго человѣка, разумъ котораго развитъ и укрѣпленъ наукой и размышленіемъ.

Въ жизни и дѣятельности Кондорсэ играли также очень важную роль личныя привязанности. Дружба съ Даламберомъ возбудила въ значительной степени его рвеніе къ математикѣ.

Большая воспріимчивость и живость Даламбера сглаживала неравенство лѣтъ; Даламберъ былъ двадцатью-шестью годами старше Кондорсэ, но умѣлъ зажигать въ друзьяхъ страсть къ математикѣ. Извѣстное его сочиненіе «О системѣ міра» нашло въ себѣ горячаго поклонника въ Кондорсэ и возбудило въ немъ самомъ желаніе заниматься теоретической астрономіей. Подъ вліяніемъ Даламбера Кондорсэ написалъ свое извѣстное сочиненіе о такъ называемой задачѣ трехъ тѣлъ. Но не одна математика сблизила Кондорсэ съ Даламберомъ. Оба они обладали разностороннимъ умомъ и частыя сношенія служили для нихъ обоихъ источникомъ многихъ удовольствій. Даламберъ всѣми силами старался прикрѣпить Кондорсэ къ наукѣ. Изъ переписки Даламбера съ Лагранжемъ мы узнаемъ, что Кондорсэ могъ сдѣлаться членомъ академіи наукъ еще въ 1768 г., т. е. двадцати-пяти лѣтъ, но тогда противъ этого сильно возстали его родственники, считая званіе академика несовмѣстнымъ съ достоинствомъ маркиза. Черезъ годъ тѣ же родственники наконецъ уступили упорному желанію Кондорсэ посвятить себя наукѣ, и въ 1769 г. онъ вступилъ въ академію. Дѣятельность Кондорсэ на новомъ поприщѣ была на столько значительна, что намъ придется говорить о ней особо. Черезъ шесть лѣтъ послѣ своего поступленія въ академію Кондорсэ былъ сдѣланъ ея секретаремъ; онъ занялъ это почетное мѣсто послѣ преодолѣнія большихъ препятствій.

И здѣсь дѣло не обошлось безъ участія Даламбера; 15 апрѣля 1775 г. онъ писалъ Лагранжу: «Противъ меня и Кондорсэ сильно интригуютъ въ академіи, и король всѣхъ интригъ

это—Бюффонъ. «Черезъ девять лѣтъ послѣ того, какъ Кондорсэ былъ сдѣланъ секретаремъ «Академіи наукъ», онъ наконецъ былъ принятъ въ члены «Французской академіи» на мѣсто Сареля. И здѣсь, какъ и въ академіи наукъ, его ревностнымъ защитникомъ выступилъ Даламберъ, противникомъ явился Бюффонъ, а конкурентомъ—астрономъ Бальи. Грименъ упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ въ своей перепискѣ; онъ говоритъ: «Даламберъ выигралъ настоящее сраженіе, восторжествовавъ надъ Бюффономъ». Извѣстный своею пылкостью, Даламберъ воскликнулъ: «Я меньше былъ бы радъ открытію квадратуры круга, чѣмъ этой побѣдѣ». И это произошло за годъ до смерти Даламбера. На горячую дружбу Даламбера Кондорсэ отвѣчалъ глубокой привязанностью; онъ принималъ неизмѣнное участіе во всѣхъ событіяхъ жизни Даламбера, какъ это видно изъ переписки его съ госпожей Леспинассъ, подругой великаго математика. И Даламберъ понималъ и цѣнилъ сердце Кондорсэ настолько, что завѣщалъ ему заботиться о тѣхъ старыхъ слугахъ, которые ухаживали за нимъ во время его послѣдней долгой и тяжкой болѣзни. Кондорсэ не обманулъ надеждъ Даламбера; онъ впродолженіи всей своей жизни окружалъ попеченіями его старыхъ служителей; послѣ же смерти Кондорсэ эти заботы приняла на себя его жена, а потомъ дочь и мужъ ея, Оконорэ.

Первый трудъ Кондорсэ по математикѣ относился къ интегральному исчисленію; онъ былъ представленъ академіи наукъ въ маѣ 1765 г. и заслужилъ самые лучшіе отзывы Даламбера и Лагранжа. Въ это время Кондорсэ съ большимъ рвеніемъ занимался именно математикой, и его мемуары одинъ за другимъ печатались въ трудахъ академій Берлинской, Петербургской, Болонской.

Отъ чистой математики Кондорсэ перешелъ къ астрономіи и занялся труднѣйшимъ вопросомъ объ опредѣленіи пути кометъ. Этимъ предметомъ занимались Ньютонъ, Фонтенъ, Эйлеръ; не смотря на то, вопросъ былъ настолько еще не рѣшенъ, что Берлинская академія назначила въ 1774 г. премію за научную его обработку. Премія не была никому присуждена и отсрочена до 1778 г. Въ этомъ году Кондорсэ получилъ ее пополамъ съ Темпельгофомъ.

Въ іюнѣ этого года Лагранжъ писалъ Кондорсэ: «Вашъ превосходный трудъ заслужилъ бы полную премію, еслибы

вы потрудились дать приложеніе вашихъ общихъ теоретическихъ соображеній къ какой нибудь одной кометѣ; это послѣднее условіе входило въ требованіе Берлинской академіи наукъ». Но для этого необходимы были сложныя вычисленія, которыхъ всегда избѣгалъ Кондорсэ. Онъ говорилъ, что механизмъ этого рода требуетъ самаго напряженнаго вниманія и нисколько его не возбуждаетъ. Въ упомянутомъ нами трудѣ выступаютъ съ большою ясностью особенности научныхъ занятій Кондорсэ. Онъ легко преодолѣлъ всѣ аналитическія трудности и остановился передъ сравнительно ничтожными; очевидно при своихъ занятіяхъ онъ не имѣлъ въ виду рѣшенія задачи, поставленной Берлинской академіей, и потому обработалъ только ту часть труда, которая представляла интересъ для него самого. То-же самое въ бо́льшей или меньшей степени относится и ко всѣмъ другимъ его трудамъ въ области точныхъ наукъ. Онъ обращалъ слишкомъ мало вниманія на изложеніе. Его мысли иногда по глубинѣ и силѣ можно сравнить съ мыслями Эйлера и Лагранжа, но выражены онѣ далеко не такъ просто, ясно и точно. Даламберъ, самъ не всегда безупречный въ этомъ отношеніи, удивлялся, что Кондорсэ какъ бы совершенно забывалъ о своемъ читателѣ. Въ мартѣ 1772 года онъ писалъ по этому поводу Лагранжу: «Я очень желаю, чтобы нашъ общій другъ Кондорсэ, обладающій такимъ сильнымъ умомъ и талантомъ, измѣнилъ свою манеру писать, но должно быть она лежитъ въ его природѣ». Эта небрежность въ изложеніи научныхъ трудовъ скорѣе обусловливалась отношеніемъ Кондорсэ къ точнымъ наукамъ; онъ находилъ въ нихъ глубокій интересъ, но считалъ эти занятія для себя и для своихъ современниковъ дѣломъ второстепеннымъ.

Занятія наукой онъ предпочелъ военной карьерѣ, къ которой чувствовалъ совершенную несклонность. Но слишкомъ большая воспріимчивость мѣшала ему ограничиваться одной наукой и уйти въ занятіе математикой. И эта неспособность хотя бы на время всецѣло отрѣшиться отъ жизни наложила свою печать на всѣ его научные труды. Отъ математики Кондорсэ легко и охотно переходилъ къ вопросамъ нравственности, занимавшимъ его голову еще въ то время, когда ходилъ въ бѣломъ платьѣ. Девятнадцати лѣтъ отъ роду въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Тюрго онъ уже высказывалъ мысль, что, преслѣдуя истину, необходимо прежде всего отложить всякія

теологическія соображенія. Эта мысль созрѣла въ его головѣ подъ кровлей іезуитовъ. Въ 1775 г. онъ писалъ также Тюрго: «необходимо подчинять всѣ личные интересы чувству долга и беречь какъ драгоцѣнный даръ свою природную чувствительность и состраданіе къ ближнимъ, которыя составляютъ источникъ всякой добродѣтели».

Какъ ни скудны наши свѣдѣнія о дѣтствѣ и юношѣ Кондорсэ, намъ понятна исторія внутренняго развитія его главныхъ свойствъ чувствительности и сдержанности, которымъ онъ самъ придавалъ такое большое значеніе въ жизни. Прежде чѣмъ онъ началъ учиться и сталъ размышлять, сердце его было согрѣто любовью ко всему, что способно чувствовать и страдать.

Послѣ смерти Даламбера Кондорсэ только урывками занимался математикой; онъ началъ было печатать свой новый трактатъ объ интегральномъ исчисленіи, но издалъ только первые 16 листовъ, затѣмъ отдался другимъ занятіямъ и повидимому совершенно о немъ забылъ; дальнѣйшая судьба этого замѣчательнаго труда намъ къ сожалѣнію неизвѣстна.

Справедливость требуетъ сказать, что такое отношеніе къ чистой наукѣ было болѣе или менѣе свойственно всѣмъ французскимъ математикамъ того времени.

Изъ біографіи Даламбера намъ извѣстно, что и его жизнь нерѣдко отвлекала отъ науки наукъ; то-же самое мы находимъ у Лазаря Карно и Монжа; астрономъ Бальи погибъ на эшафотѣ. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ только Лапласъ. Что касается Кондорсэ, то отзывчивость его къ вопіющимъ вопросамъ жизни не знала предѣловъ. Въ занятіяхъ своихъ математикой Кондорсэ главнымъ образомъ видѣлъ могучее средство развить и укрѣпить свой умъ, и впослѣдствіи онъ не разъ и въ письмахъ, и въ разговорахъ высказывалъ оригинальную мысль, что научная дѣятельность служитъ подготовкой къ общественному поприщу.

Оставивъ продолженіе труда по интегральному исчисленію, Кондорсэ обратился къ теоріи вѣроятностей и стремился приложить ее къ вопросамъ нравственности и политики. Это стремленіе было такъ ново въ то время, что подняло цѣлую бурю, и Кондорсэ пришлось со всей энергіей отстаивать возможность этого приложенія. Теорія вѣроятностей уже оказала великія услуги человѣчеству; она уяснила всю безполезность лотерей, азартныхъ игръ, пролила истинный свѣтъ на всѣ безъ нея не-

понятныя финансовыя операціи, которыя заключали въ себѣ по истинѣ нѣчто таинственное для людей, незнакомыхъ съ этой теоріей. Но Кондорсэ хотѣлъ воспользоваться своими знаніями анализа, чтобы значительно расширить область приложенія теоріи вѣроятностей къ вопросамъ общественной жизни и проложить ей новый путь.

И въ этомъ заключается его громадная заслуга, но къ сожалѣнію она была послѣдней въ области математики. Мало по малу другіе предметы совершенно отвлекли его вниманіе. Въ 1770 г. Кондорсэ сопровождалъ Даламбера въ его поѣздкѣ въ Ферней къ Вольтеру. Несмотря на то, что Вольтеръ въ то время былъ уже очень старъ, онъ совершенно очаровалъ Кондорсэ; послѣдній писалъ Тюрго:» я нашелъ Вольтера такимъ живымъ и дѣятельнымъ, что готовъ былъ бы считать его безсмертнымъ, еслибы онъ не обнаружилъ такой безпощадной несправедливости къ Руссо». Во всякомъ случаѣ знакомство съ Вольтеромъ произвело сильное впечатлѣніе на Кондорсэ и возбудило въ немъ страсть къ литературѣ. Съ другой стороны дружба съ Тюрго склоняла его къ занятіямъ политической экономіи, имѣющей близкое отношеніе къ вопросамъ о благосостояніи человѣчества. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что Кондорсэ былъ человѣкъ, просто подчиняющійся постороннему вліянію. Для того чтобы понять, какое значеніе для него имѣла дружба, необходимо познакомиться съ многими особенностями его характера и съ его взглядомъ на чувство дружбы.

Характеристикой замѣчательной личности Кондорсэ мы обязаны двумъ женщинамъ: женѣ друга нашего философа, академика Сюора, и госпожѣ Леспинассъ, прозванной музой энциклопедіи за свою близость къ философамъ своего времени. Обѣ онѣ сходятся, какъ мы увидимъ, въ томъ, что господствующей чертой характера Кондорсэ была доброта.

ГЛАВА II.

Характеръ Кондорсэ.—Г-жа Сюоръ о характерѣ Кондорсэ.—Портретъ Кондорсэ, набросанный г жей Леспинассъ.—Отношенія Кондорсэ къ Вольтеру и занятія литературой. — Мысли Кондорсэ о дружбѣ.—.Ипчность Тюрго и дружба съ Кондорсэ.

Въ воспоминаніяхъ г-жи Сюоръ, жены академика друга Кондорсэ, мы находимъ слѣдующее описаніе его личности:

«Прелесть, какую я находила въ его обществѣ, обусловливалась не изумительнымъ разнообразіемъ его идей, обнимавшихъ одновременно физическіе и нравственные законы, однимъ словомъ— все, что́ дѣйствуетъ на разумъ и воображеніе... Нѣтъ, прелесть эта прежде всего лежала въ его добротѣ, въ добротѣ, постоянной и неизсякаемой. Всегда забывая о себѣ для другихъ, онъ повидимому даже не замѣчалъ приносимыхъ имъ жертвъ; его снисходительность ободряетъ каждаго; охотно сознаешься ему во всѣхъ своихъ слабостяхъ, и онъ жалѣетъ васъ, словно раздѣляя ихъ. Его простота въ обращеніи уничтожаетъ всякую мысль о томъ, что вы находитесь въ обществѣ одного изъ умнѣйшихъ людей своего вѣка. Не покидая высоты, на которой онъ самъ находился, Кондорсэ готовъ снизойти до интересовъ, волнующихъ заурядные умы. Спокойствіе, съ какимъ онъ обсуждаетъ все, что̀ его лично касается, стоитъ въ поразительномъ контрастѣ съ той живостью, съ какой онъ относится къ несчастіямъ своихъ друзей и готовностью поспѣшить къ нимъ на помощь. Онъ хладнокровно переноситъ несправедливость, разъ она касается его самого. Наоборотъ, малѣйшая обида его близкимъ вызываетъ въ немъ энергическій отпоръ. Самъ ядовитый Гриммъ, которому Руссо такъ охотно приписывалъ разрывъ свой съ энциклопедистами и чьи сарказмы преслѣдовали его до могилы, не находитъ для Кондорсэ ничего кромѣ похвалы. «Это сильный умъ,—пишетъ онъ,—склонный къ философіи; доброта блещетъ въ его глазахъ и вся наружность говоритъ о прекраснѣйшихъ и самыхъ мирныхъ качествахъ души. Всѣ друзья въ одно слово величаютъ его «добрымъ Кондорсэ».»

Въ дальнѣйшемъ изложеніи біографіи Кондорсэ мы на каждомъ шагу будемъ находить подтвержденіе мѣткой и справедливой характеристики, сдѣланной госпожей Сюръ. Эта сознательная доброта, какъ мы увидимъ, одинаково проявляется въ его практической и теоретической дѣятельности. Г-жа Сюръ говоритъ здѣсь объ отношеніи Кондорсэ къ друзьямъ, но для полноты этой характеристики намъ остается прибавить, что друзьями его въ этомъ отношеніи были всѣ люди безъ исключенія.

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ въ обществѣ энциклопедистовъ было въ большомъ ходу писать портреты своихъ знакомыхъ; кто не владѣлъ кистью, тотъ прибѣгалъ къ перу. Портретъ Кондорсэ былъ набросанъ мастерской рукой г-жи де Леспи-

нассъ, какъ видно, по его собственной просьбѣ. Г-жа де Леспинассъ принадлежала къ кругу лучшихъ друзей Кондорсэ, и ея мнѣнія о немъ важно для насъ, потому что врядъ ли кто нибудь другой изъ его современниковъ обладалъ большей возможностью изучить его. «Въ лицѣ Кондорсэ,—пишетъ г-жа Леспинассъ,—бросается въ глаза преобладающее качество его души—это доброта; его мягкія черты не отличаются живостью; онъ держитъ себя просто и нѣсколько небрежно. Всякій, кто посмотритъ на него мимоходомъ, скорѣе скажетъ: «вотъ добрый человѣкъ», чѣмъ: «вотъ умный человѣкъ». Но изъ этого конечно нельзя заключить, чтобы Кондорсэ былъ тѣмъ, кого принято называть *добрякомъ*. Природа одарила его великимъ умомъ, сильнымъ талантомъ. Умъ его обладаетъ божественнымъ свойствомъ; онъ безконеченъ и вездѣсущъ. Свойства его души аналогичны его уму, они отличаются такимъ же разнообразіемъ и такой же силой. Доброта его безгранична; это своего рода фондъ, на который можетъ разсчитывать каждый, въ немъ нуждающійся.»

«Онъ обладаетъ всѣми оттѣнками доброты и за каждый изъ нихъ могъ бы быть безумно любимъ тѣми, кто его знаетъ. Онъ отличается такою чувствительностью, что несчастія и страданія его друзей всегда бываютъ его собственными. Онъ любитъ много и любитъ многихъ. Каждый изъ его друзей не могъ желать отъ него ничего бо́льшаго и могъ считать себя его единственнымъ другомъ. Между тѣмъ люди, мало знающіе Кондорсэ, легко могутъ принять его за человѣка холоднаго. Никому никогда не говоритъ онъ: *я васъ люблю*, но не упускаетъ ни одного случая доказать это на дѣлѣ. Онъ не располагаетъ васъ ни къ какимъ припадкамъ нѣжности и сердечнымъ изліяніямъ; вы не придете къ нему, чтобы открыть свое сердце, но также вамъ никогда не придетъ въ голову скрывать отъ него, что̀-бы то ни было. Съ нимъ каждый чувствуетъ себя, какъ съ самимъ собою.»

«Я сказала—умъ его отличается величайшимъ разнообразіемъ; изъ этого можно было бы заключить, что бесѣда его самая оживленная и разговоръ полонъ очарованія. Въ дѣйствительности же оказывается, что онъ въ обществѣ большей частью молчитъ и говоритъ только то, о чемъ его спрашиваютъ, или то, что̀ онъ считаетъ необходимымъ сказать. Кондорсэ—плохой собесѣдникъ уже потому, что видъ у него всегда разсѣянный

или человѣка, во что-то погруженнаго. Въ то же время въ высшей степени странно, что отъ него ничто не ускользаетъ; онъ замѣчаетъ все до мельчайшихъ подробностей, умѣетъ подмѣтить все смѣшное и передать это съ такой тонкостью, съ такимъ безпощаднымъ остроуміемъ, которое опять представляетъ рѣзкій контрастъ съ его необыкновенной снисходительностью къ людямъ.»

«Работая по десяти часовъ въ день, Кондорсэ имѣетъ видъ человѣка не занятого; онъ какъ будто теряетъ время и готовъ отдать его первому встрѣчному; какъ философъ, отличается изумительной дѣятельностью, а видъ у него спокойный, какъ у человѣка, которому все трынъ-трава. Онъ никогда не жалуется на то, что люди отнимаютъ у него время, и его дверь всегда открыта для всѣхъ и каждаго. Кондорсэ совершенно отказался отъ свѣтской жизни и предпочитаетъ видѣться съ тѣми, кому онъ нуженъ. Онъ всѣмъ готовъ пожертвовать для другихъ и дорожитъ только своими привязанностями. Онъ любитъ театръ, но никогда не посѣщаетъ его, чтобы имѣть возможность отдавать короткіе досуги своимъ друзьямъ. Кондорсэ скупъ на ласки, хотя иногда и у него являются припадки нѣжности—не изъ одной любезности обнимаетъ и цѣлуетъ онъ своего друга послѣ долгой разлуки.»

«Эта безмятежная душа, не выходящая обыкновенно изъ состоянія равновѣсія, становится страстной и пламенной, когда дѣло идетъ о защитѣ угнетенныхъ или о защитѣ свободы; въ послѣднихъ случаяхъ онъ страдаетъ, дѣйствуетъ, говоритъ, пишетъ со всей энергіей самаго пылкаго человѣка».

«Я не знаю, свойственно ли Кондорсэ чувство тщеславія, которому такъ сильно подвержены мы всѣ; могу только сказать, что мнѣ никогда и ни въ какихъ случаяхъ не удалось подмѣтить въ немъ ни малѣйшаго проявленія этого чувства.»

Сходство обѣихъ приведенныхъ нами характеристикъ бросается въ глаза.

И такъ, по мнѣнію г-жи Леспинассъ, Кондорсэ былъ полонъ самыхъ рѣзкихъ контрастовъ, которые однако всѣ легко объясняются соединеніемъ большой чувствительности съ удивительной сдержанностью. Даламберъ говорилъ о немъ: «это вулканъ, покрытый снѣгомъ».

Особаго вниманія заслуживаетъ замѣчаніе Леспинассъ, что ей никогда не удавалось подмѣтить въ Кондорсэ ни малѣйшаго

честолюбія. Разумѣется, оно не укрылось бы отъ проницательныхъ глазъ Леспинассъ, еслибы его можно было отыскать въ сердцѣ Кондорсэ. Этимъ совершеннымъ отсутствіемъ честолюбія объясняется многое въ жизни Кондорсэ, и между прочимъ то, что у него совершенно не было *личныхъ* враговъ между современниками.

Вообще отношенія его къ людямъ можно назвать безукоризненными; въ этомъ онъ стоитъ положительно выше всѣхъ своихъ великихъ современниковъ; особенно же его характеризуетъ съ этой стороны дружба съ Вольтеромъ. Жизнь Вольтера, написанная Кондорсэ, представляетъ замѣчательное литературное произведеніе; оно служитъ и теперь лучшимъ источникомъ для біографіи перваго. Мы находимъ здѣсь полное, всестороннее пониманіе личности великаго писателя и вѣрную, безпристрастную оцѣнку его дѣятельности. Но самое цѣнное для насъ въ данномъ случаѣ это то, что въ біографіи Вольтера, написанной Кондорсэ, съ особенной яркостью выступаетъ все, что̀ было лучшаго въ Вольтерѣ. Въ предисловіи своемъ къ «Жизни Вольтера» Кондорсэ говоритъ, что она должна быть исторіей прогресса и искусствъ, которымъ принесъ онъ такъ много пользы своимъ геніемъ, исторіей его могучаго вліянія на умственную жизнь и взгляды своихъ современниковъ, наконецъ исторіей долгой войны съ предразсудками, объявленной философомъ въ самые юные годы и окончившейся только съ его смертью. Кондорсэ какъ нельзя лучше съумѣлъ отдѣлить главныя черты характера Вольтера отъ другихъ второстепенныхъ, которыя мало гармонировали съ первыми и въ значительной степени ослабляли производимое имъ обаяніе. Мы видѣли уже изъ выдержки письма Кондорсэ къ Тюрго, приведенной въ первой главѣ, что онъ нисколько не былъ ослѣпленъ Вольтеромъ, напротивъ, какъ нельзя лучше видѣлъ его слабости, но онѣ никогда не могли въ его глазахъ затмить достоинствъ Вольтера. Изъ объемистой переписки Кондорсэ съ Вольтеромъ также видно, что первый очень часто говорилъ въ глаза правду второму, но всегда такъ, что это нисколько не портило ихъ отношеній. Разумѣется, это обусловливалось не одними внѣшними пріемами, вѣжливостью или мягкостью, которыми въ высшей степени обладалъ Кондорсэ. И другіе друзья Вольтера болѣе или менѣе отличались тѣми же качествами, но никто изъ нихъ не былъ въ *такой степени* чуждъ зависти, какъ Кондорсэ, и никому изъ нихъ не была

такъ дорога слава Вольтера. Такія отношенія къ Вольтеру открыли Кондорсэ возможность ближе узнать фернейскаго философа, и притомъ съ лучшей стороны. Дружбу Вольтера къ маркизѣ Шателэ и личность послѣдней, подвергавшуюся столькимъ пересудамъ, Кондорсэ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Незадолго до начала гоненій иная дружба доставила Вольтеру болѣе теплое утѣшеніе и увеличила его любовь къ уединенію, то была дружба маркизы де-Шателэ, тоже страстно преданной наукѣ и славѣ. Она была философъ, но исповѣдывала то философское ученіе, которое заимствуетъ свой источникъ въ сильной и свободной душѣ; она настолько изучила метафизику и геометрію, что могла разбирать Лейбница и переводить Ньютона, занималась искусствами, знала въ нихъ толкъ, но и имъ предпочитала изученіе жизни людей и вообще человѣческой природы. Такова была подруга, которую избралъ Вольтеръ, чтобы вести жизнь чисто трудовую, украшенную только взаимной дружбой». Далѣе Кондорсэ трогательно описываетъ смерть маркизы, которую ускорили ея усиленныя занятія, и глубокую, безмолвную печаль Вольтера. Онъ говоритъ: «Вольтеръ искалъ и находилъ утѣшеніе въ усиленномъ трудѣ. Многіе приписывали это его безчувственности». Кондорсэ же, являясь знатокомъ человѣческаго сердца, замѣчаетъ, что «умѣнье сдерживать свои чувства чаще всего встрѣчается у людей способныхъ сильно и глубоко чувствовать, къ числу которыхъ безспорно принадлежалъ Вольтеръ». Престарѣлый философъ, сохранилъ, по словамъ Кондорсэ, «до глубокой старости свой энтузіазмъ къ свободѣ, дѣятельность министра Тюрго приводила его въ такой восторгъ, что онъ не разъ готовъ былъ цѣловать ту руку, которая подписывала декреты, клонившіеся къ распространенію свободы и равенства между людьми».

Переписка Кондорсэ съ Вольтеромъ продолжалась около восьми лѣтъ, съ перваго дня знакомства и до самой смерти Вольтера, въ 1778 году. Мы конечно не имѣемъ намѣренія входить въ нее подробно, но приведемъ здѣсь тѣ немногія выдержки, которыя существенно необходимы для характеристики ихъ отношеній.

Въ біографіи Вольтера Кондорсэ рисуетъ его врагомъ всякаго угнетенія и неправды. Онъ говоритъ: «если добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать добро и любить человѣчество со страстью, то кто больше Вольтера заслуживаетъ названіе

добродѣтельнаго. Желаніе добра и любовь къ славѣ—единственныя страсти, никогда его не покидавшія».

Онъ также останавливаетъ свое главное вниманіе на тѣхъ сочиненіяхъ Вольтера, въ которыхъ проводятся дорогія ему убѣжденія, и высоко ставитъ поэмы «Естественный законъ» и «Разрушеніе Лиссабона», потому что встрѣчаетъ въ нихъ доказательство существованія общечеловѣческой нравственности, независимой отъ вѣрованій. Но самаго бо́льшаго одобренія, по его мнѣнію, заслуживаетъ трактатъ о вѣротерпимости или вопіющая кровь невиннаго.

Вольтеръ упорно добивался поставить на парижской сценѣ свою «Ирину»,—трагедію, написанную имъ въ глубокой старости. Кондорсэ, предвидя неудачу этой пьесы, сильно возставалъ противъ желанія Вольтера; онъ писалъ въ Ферней по поводу этого въ концѣ 1777 г.: «Вспомните, что вы пріучили насъ къ совершенству своимъ описаніемъ страстей, драматическихъ положеній и характеровъ, какъ Расинъ—къ совершенству слога... Вы сами виноваты въ нашей требовательности».

На это Вольтеръ отвѣчалъ Кондорсэ слѣдующимъ письмомъ:

«Ферней. 12-го января 1778 г.

«Мой милый всеобъемлющій философъ, ваши знанія вызываютъ мое удивленіе, а ваша дружба мнѣ съ каждымъ днемъ становится все драгоцѣннѣй. Мнѣ больно и стыдно, что я не раздѣляю вашего взгляда на попытку восьмидесяти-четырехълѣтняго старика. Слезы на глазахъ образованныхъ людей, понимающихъ страсти, убѣдили меня въ томъ, что моя пьеса хорошо написана и можетъ имѣть успѣхъ въ Парижѣ. Я буду въ большомъ горѣ, если обманусь въ своихъ ожиданіяхъ. Я согласенъ со многими истинами, вами высказанными, и могу еще отъ себя прибавить къ нимъ многое. Когда я работалъ надъ превращеніемъ очерковъ въ картину, ваши умныя и дружескія замѣчанія увеличивали мои собственныя сомнѣнія: въ искусствахъ трудно что-нибудь сдѣлать безъ просвѣщеннаго друга».

Вольтеръ и Монтескьё одно время враждовали между собой. Оба они не скрывали своихъ чувствъ. Вольтеръ, живя въ Фернеѣ, написалъ нѣсколько критическихъ замѣтокъ на «Духъ законовъ» Монтескьё и отослалъ ихъ въ Парижъ своимъ друзьямъ, съ просьбой ихъ напечатать. Кондорсэ возсталъ противъ этого желанія и написалъ Вольтеру:

«Неужели вы не видите, неужели вы не понимаете, что за эти замѣтки васъ будутъ упрекать послѣ всѣхъ вашихъ похвалъ этому же писателю? Его поклонники, оскорбленные рѣзкой формой вашей критики, начнутъ въ вашихъ сочиненіяхъ искать подобныхъ же промаховъ и безъ сомнѣнія найдутъ ихъ: Цезарь и тотъ, разсказывая собственные подвиги, ошибался... Надѣюсь, вы простите мнѣ, что я иду противъ васъ. Моя привязанность заставляетъ меня говорить вамъ то, что для васъ полезно, а не то, что вамъ вредитъ. Еслибы я любилъ васъ менѣе, то во всемъ соглашался бы съ вами. Мнѣ извѣстны промахи Монтескьё, но вамъ-то не слѣдуетъ о нихъ помнить».

На это письмо Кондорсэ Вольтеръ отвѣчалъ:

«У меня нѣтъ словъ для отвѣта на письмо истиннаго философа. Благодарю его отъ всего сердца. Что дѣлать, всегда мы издали плохо различаемъ предметы. Никогда не стыдно ходить въ школу, даже въ лѣта Маѳусаила; еще разъ благодарю».

Но и Кондорсэ конечно съ своей стороны былъ за многое благодаренъ Вольтеру. Близкія сношенія съ великимъ писателемъ пробудили въ немъ природный крупный талантъ къ литературѣ.

«Первымъ литературнымъ сочиненіемъ Кондорсэ было «Письмо теолога» къ автору «Словаря трехъ вѣковъ»; оно отличалось блестящимъ остроуміемъ. Онъ написалъ это сочиненіе въ 1774 г. и издалъ, не подписавъ своего имени. Достоинства этого сочиненія были таковы, что его приписывали самому Вольтеру. Фернейскій же философъ былъ въ то время такъ боленъ, что боялся всякихъ тревогъ и гоненій, отъ которыхъ сильно усталъ. Онъ убѣждалъ всѣхъ, что его нельзя и подозрѣвать въ сочиненіи этого письма; въ послѣднемъ видны были глубокія математическія знанія, а онъ уже сорокъ лѣтъ какъ отказался отъ занятій математикой. Въ молодости Вольтеръ весьма усердно и довольно долгое время занимался математикой и физикой; ему даже не разъ приходила въ голову мысль посвятить себя этимъ наукамъ, но математикъ Клеро отсовѣтывалъ ему это, сказавъ, что въ математикѣ онъ не пойдетъ дальше посредственности. Однако, по мнѣнію Кондорсэ, занятія математикой принесли очень много пользы Вольтеру, содѣйствуя разностороннему развитію его ума.

Смѣлость «Письма теолога» настолько безпокоила Вольтера, что онъ говорилъ всѣмъ:

«Я—восьмидесятилѣтній старикъ и хочу умереть на своей постели». Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ выразился такимъ образомъ объ авторѣ «Письма теолога»: «Онъ краснорѣчивъ и неостороженъ. Письмо опасно и удивительно; оно безъ сомнѣнія подыметъ на ноги всѣхъ враговъ философіи. Я не хочу ни славы автора, ни наказанія за его смѣлость. Чтобы отважиться издать такое сочиненіе, нужно владѣть стотысячной арміей». Изъ всего этого мы видимъ, что первые шаги Кондорсэ на литературномъ поприщѣ были такъ-же удачны, какъ и въ области науки. Но и въ литературѣ онъ также не сдѣлалъ того, что́ могъ бы совершить, потому что его неотразимо влекла къ себѣ общественная жизнь, и онъ, подъ вліяніемъ Тюрго, отдался занятіямъ политической экономіей.

Изъ всѣхъ дружескихъ привязанностей Кондорсэ самой сильной была привязанность къ Тюрго. Это была совсѣмъ особенная дружба; для того, чтобъ ее уяснить, приведемъ слова Кондорсэ о двухъ неразлучныхъ друзьяхъ—Жакье и Сера:

«Ихъ дружба не принадлежала къ разряду тѣхъ обыкновенныхъ привязанностей, которыя возникаютъ и поддерживаются только общностью склонностей, мыслей и привычекъ.»

«Она обусловливалась естественнымъ неодолимымъ влеченіемъ другъ къ другу. Въ такихъ возвышенныхъ и глубокихъ привязанностяхъ одинъ чувствуетъ всѣ страданія другого и раздѣляетъ его радости. Такой другъ,—это не просто человѣкъ, котораго предпочитаешь всѣмъ остальнымъ; нѣтъ, это совершенно особенное существо; его даже не приходитъ въ голову сравнивать съ кѣмъ бы то ни было; мы любимъ въ немъ не его таланты и добродѣтели,—все это находимъ мы и у другихъ въ такой же степени,—а его самого. Отрицать такое чувство могутъ только несчастные люди, никогда его не испытавшіе.»

«Такимъ истиннымъ другомъ Кондорсэ былъ Тюрго. Всѣ ихъ убѣжденія, надежды, мечты и отношенія къ окружавшей дѣйствительности были не только сходны, но вполнѣ тождественны. При такихъ условіяхъ Тюрго не трудно было увлечь Кондорсэ политической дѣятельностью, къ которой онъ самъ чувствовалъ живѣйшую склонность.»

Послѣ смерти Тюрго Кондорсэ написалъ его біографію. Въ своемъ предисловіи къ ней онъ говоритъ, что разсматриваетъ Тюрго главнымъ образомъ какъ философа, а не какъ государственнаго человѣка. Этотъ трудъ, по его словамъ,—дань

памяти великаго человѣка, имъ нѣжно любимаго, дружба котораго была ему такъ пріятна и полезна, что воспоминаніе о ней сдѣлалось однимъ изъ прекрасныхъ и печальныхъ чувствъ, способныхъ наполнить наше существованіе. Вліяніе личности Тюрго на жизнь Кондорсэ было такъ велико, что намъ приходится сказать о немъ нѣсколько словъ. Кондорсэ говоритъ также въ упомянутой біографіи:

«Среди министровъ, которые короткое время держатъ въ рукахъ своихъ власть, немногіе заслуживаютъ вниманія. Нечего и упоминать о людяхъ, раздѣлявшихъ убѣжденія и предразсудки своего вѣка. Ихъ исторія сливается съ *всеобщей* исторіей. Но люди, одаренные высшими умственными способностями, съ добродѣтелями, исключительно имъ свойственными, со взглядами, опередившими свой вѣкъ, должны возбуждать интересъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и Тюрго. Любовь ко всему человѣчеству, воодушевлявшая его, побудила и меня написать его біографію.» Далѣе Кондорсэ прибавляетъ, что дружба конечно не помѣшаетъ ему быть безпристрастнымъ, потому что «самое большее благодѣяніе, какое можетъ оказать одинъ человѣкъ другому,—это сказать ему или о немъ правду, ничего не умаляя и ничего не преувеличивая». Біографія Тюрго считается однимъ изъ лучшихъ произведеній Кондорсэ.

Практическія неудачи Тюрго, какъ реформатора, Кондорсэ объясняетъ тѣмъ, что тотъ не могъ для достиженія своихъ цѣлей пользоваться всякими средствами, которыя были подъ руками, не разжигалъ человѣческихъ страстей и старался дѣйствовать убѣжденіемъ. Намъ извѣстно, что Кондорсэ сошелся съ Тюрго въ первой молодости, какъ и съ Даламберомъ. Посмотримъ теперь, какое вліяніе имѣла эта дружба на жизнь и дѣятельность Кондорсэ.

ГЛАВА III.

Министерства Тюрго и его паденіе.—Перемѣны въ политическихъ взглядахъ Кондорсэ.—Кондорсэ—предсѣдатель комитета по уравненію мѣръ и вѣсовъ.—Кондорсэ, какъ секретарь академіи наукъ.—Похвальныя рѣчи Кондорсэ академикамъ.—Рѣчь Кондорсэ, произнесенная въ французской академіи въ присутствіи Павла I.

Тюрго съ особеннымъ успѣхомъ занимался политической экономіей; Кондорсэ также очень рано началъ заниматься этой

наукой; онъ не только раздѣлялъ взгляды Тюрго, но не могъ отдѣлить ихъ отъ своихъ собственныхъ, трудно это сдѣлать и намъ. Если Тюрго высказывалъ какое нибудь мнѣніе прежде, чѣмъ его молодой другъ успѣлъ выработать свое, то послѣдній усвоивалъ себѣ первое, но чувствовалъ, что самъ неминуемо пришелъ бы къ тому же. Совмѣстный трудъ шелъ такимъ образомъ быстрѣе. Оба они, разрабатывая спеціальные вопросы о торговлѣ хлѣбомъ, ревностно доказывали, что предоставленіе свободы для всѣхъ одинаково выгодно, т. е. для землевладѣльцевъ, земледѣльцевъ, продавцевъ и потребителей. Они горячо убѣждали, что другого средства поправить хоть немного бѣдственное положеніе Франціи въ то время не существовало. Тюрго въ состраданіи къ бѣдствіямъ человѣка не уступалъ Кондорсэ, и оба друга работали надъ выясненіемъ экономическихъ вопросовъ подъ вліяніемъ одного и того же чувства; они стремились къ тому, чтобы понизить среднюю стоимость хлѣба и установить правильное вознагражденіе рабочихъ. Этотъ частный вопросъ былъ дорогъ обоимъ философамъ также по своей тѣсной связи съ болѣе общими. Они признавали за всѣми людьми безъ исключенія неотъемлемое право свободно располагать своимъ умственнымъ и физическимъ трудомъ и возставали противъ всѣхъ стѣснительныхъ формальностей.

Послѣ смерти Людовика XV Тюрго, извѣстному своей энергіей и свѣтлыми взглядами на общественныя отношенія, открылась широкая дѣятельность: сначала онъ былъ сдѣланъ морскимъ министромъ, а черезъ мѣсяцъ послѣ того, въ августѣ 1774 г.,—министромъ финансовъ.

Занявъ такой важный и высокій постъ, Тюрго, разумѣется, не забылъ своего вѣрнаго сотрудника въ разработкѣ вопросовъ политической экономіи и философіи. И прежде этого во время своего кратковременнаго управленія морскимъ министерствомъ Тюрго съумѣлъ привлечь къ этому дѣлу вниманіе своихъ просвѣщенныхъ друзей. Даламберъ писалъ Лагранжу: «Вы, пожалуй, услышите, что я сдѣланъ директоромъ каналовъ и получаю 6.000 франковъ жалованья. Все это неправда. Кондорсэ, Боссю и я, всѣ мы, изъ дружбы къ Тюрго, помогаемъ ему своими совѣтами въ этомъ дѣлѣ, но мы отказались отъ вознагражденія, предложеннаго намъ контролеромъ финансовъ».

Изъ переписки Кондорсэ съ Тюрго мы узнаемъ однако, что въ 1774 году у Тюрго была мысль назначить Кондорсэ инспек-

торомъ чекана, на должность, сопряженную съ значительнымъ окладомъ, но Кондорсэ поспѣшилъ отказаться отъ этого блестящаго предложенія. Съ первыхъ дней министерства Тюрго онъ занялъ мѣсто предсѣдателя комитета по управленію мѣръ и вѣсовъ. Въ этой должности онъ былъ на своемъ мѣстѣ; благодаря его трудамъ, учредительное собраніе постановило принять десятичную систему. Не довольствуясь этимъ успѣхомъ, онъ стремился распространить эту систему за предѣлы Франціи и съ этой цѣлью писалъ польскому королю Станиславу-Августу.

Легко понять, что Тюрго, съ своими философскими взглядами на жизнь, долженъ былъ вступить въ борьбу съ существовавшими предразсудками; его считали опаснымъ мечтателемъ, противъ него вооружались... Кондорсэ, разумѣется, не могъ оставаться зрителемъ этой борьбы *человѣка* съ бурной стихіей, онъ принялъ въ ней самое живое участіе и употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него средства выяснить своимъ соотечественникамъ взгляды Тюрго и свои на существенные вопросы. Онъ выступилъ ярымъ противникомъ взглядовъ Неккера, отрицавшаго свободу торговли хлѣбомъ, остроумно осмѣявъ эти взгляды въ своемъ сочиненіи «Письмо земледѣльца изъ Пикардіи къ протекціонисту». Вольтеръ говорилъ объ этомъ сочиненіи: «это письмо—хорошая вещь, разумная вещь и въ то же время хорошенькая вещица». Вольтеръ думалъ, что одно это письмо способно образумить людей, но жестоко ошибся; его не поняли, и Кондорсэ пришлось написать болѣе подробный критическій разборъ мнѣній знаменитаго женевскаго банкира Неккера. Сочиненіе это извѣстно подъ названіемъ: «Разсужденія о торговлѣ хлѣбомъ»; оно представляло строгое научное изслѣдованіе этого предмета и въ свое время произвело сильное впечатлѣніе, которое повлекло за собой общее возстаніе всѣхъ многочисленныхъ приверженцевъ Неккера; съ тѣхъ поръ многія высокопоставленныя лица сдѣлались непримиримыми врагами Кондорсэ. Министерство Тюрго было весьма кратковременно. Мѣсто Тюрго вскорѣ занялъ Неккеръ. Общественная дѣятельность Кондорсэ была прервана; онъ хотѣлъ было сложить съ себя и обязанности предсѣдателя комитета уравненія мѣръ и вѣсовъ, объясняя это слѣдующимъ образомъ въ письмѣ къ Морено: «Я высказался въ такомъ смыслѣ о трудахъ Неккера, что мнѣ невозможно сохранить мѣсто, находящееся въ зависимости отъ него. Мнѣ непріятно быть удаленнымъ его властью, а еще бо-

лѣе быть оставленнымъ по́ его милости». Однако, несмотря на назначеніе Неккера, Кондорсэ до 1791 года занималъ упомянутую должность; это можно объяснить только тѣмъ, что онъ былъ незамѣнимъ даже въ глазахъ Неккера. Но, разумѣется, одна эта дѣятельность не могла удовлетворить Кондорсэ. Онъ снова обратился къ наукѣ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, относящихся къ этому времени, онъ говоритъ о своей совмѣстной дѣятельности съ Тюрго во время министерства послѣдняго: «Мы видѣли золотой сонъ, къ сожалѣнію онъ продолжался не долго. Я снова отдаюсь геометріи. И скучно, и грустно работать для собственной славы послѣ того, какъ испыталъ наслажденіе труда на пользу человѣчества».

Тюрго же, разочарованный въ результатахъ практической дѣятельности, отвѣчалъ ему слѣдующее: «Я увѣренъ, что однимъ служеніемъ наукѣ можно принести больше пользы, чѣмъ занимая тѣ второстепенные посты, на которыхъ мы съ вами тщетно стараемся сдѣлать добро и всего чаще становимся нехотя орудіемъ несравненно бо́льшаго зла».

Послѣ паденія Тюрго и возвышенія Неккера, въ угоду послѣднему, всѣ спѣшили высказаться противъ политико-экономическихъ сочиненій Кондорсэ. Бюффонъ писалъ банкиру: «Я ничего не понимаю въ этомъ языкѣ богадѣленъ; это какія-то попрошайки, величающія себя экономистами».

Не утерпѣлъ и Вольтеръ; онъ написалъ стихи въ честь г-жи Неккеръ, преисполненныя похвалъ ея супругу. Впрочемъ такого рода стихи были только обычная дань вѣжливости въ то время, и никто не придавалъ имъ важнаго значенія. Однако Кондорсэ не простилъ ихъ Вольтеру. Нашъ философъ самъ не отдавалъ дани вреднымъ обычаямъ, онъ написалъ въ Ферней: «Я сердитъ на васъ за эти стихи. Вы сами не знаете цѣны своему имени. Вы напоминаете человѣка, апплодирующаго арлекину, передразнивающему Зосеру. Самъ я не читалъ вашихъ стиховъ, но слышалъ, что вы сравниваете супруга Неккеръ съ Катономъ. Это, какъ хотите, напоминаетъ мнѣ одного иностранца, который разсказывалъ, что видѣлъ во Франціи трехъ великихъ людей: Вольтера, Даламбера и аббата Вуазенона».

Министерство Тюрго имѣло огромное вліяніе на всю дальнѣйшую дѣятельность Кондорсэ; онъ здѣсь имѣлъ случай прекрасно изучить механизмъ администраціи во Франціи, глубоко понять и взвѣсить всѣ ея недостатки и ихъ вредное вліяніе

на будущее государство. Людямъ корыстолюбивымъ въ то время представлялась полнѣйшая возможность сколько угодно ловить рыбу въ мутной водѣ, а честнымъ жилось такъ худо, что даже министръ Тюрго предостерегалъ своего друга: «Вы нехорошо дѣлаете, что пишете ко мнѣ по почтѣ; вы этимъ вредите себѣ и своимъ друзьямъ. Прошу васъ, пересылайте мнѣ письма черезъ вѣрныхъ друзей или отдавайте ихъ прямо въ руки моимъ курьерамъ». Подозрительность доходила въ то время до того, что *черный кабинетъ* распечатывалъ даже письма министра. Свои мысли о положеніи Франціи въ то время Кондорсэ весьма опредѣленно и горячо высказалъ также въ біографіи Тюрго, изданной имъ въ 1786 году; тогда уже маркизъ, Кондорсэ вооружался противъ злоупотребленій, совершаемыхъ дворянствомъ. Не останавливаясь на этихъ частностяхъ, онъ, съ своимъ философскимъ взглядомъ, доискивался самыхъ общихъ причинъ неурядицы и бѣдствій. Какъ на основу благоустроеннаго общества, онъ указывалъ между прочимъ на право пересматривать конституцію; онъ писалъ: «Неизмѣнную конституцію можно получить только съ неба; одному Богу свойственно давать вѣчные законы; между нами нѣтъ и великихъ древнихъ законодателей; у насъ нѣтъ дельфійской Пиѳіи. Нынѣшніе законодатели—люди обыкновенные; такимъ же людямъ могутъ они давать только временные законы». Не останавливаясь на этихъ общихъ замѣчаніяхъ и зорко слѣдя за всѣмъ, что̀ дѣлалось вокругъ, Кондорсэ обращалъ вниманіе на то, что̀ требовало безотлагательнаго измѣненія; онъ обращалъ вниманіе правительства на необходимость измѣненій закона объ уплатѣ податей. Кондорсэ же первый заговорилъ также объ опасныхъ послѣдствіяхъ бумажныхъ денегъ.

Много лѣтъ посвятилъ Кондорсэ на разъясненіе различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ тѣмъ, что̀ онъ самъ называлъ общественнымъ благосостояніемъ; теоретическая его дѣятельность въ этомъ отношеніи представляетъ поразительное разнообразіе. Онъ писалъ о монополіи и монополистахъ, объ уголовномъ судѣ, о свободѣ печати. Въ 1780 году Кондорсэ издалъ свои знаменитыя примѣчанія къ 29 книгѣ «Духа законовъ» Монтескьё. Здѣсь онъ говоритъ о свойствахъ ума, необходимыхъ законодателю, даетъ критерій для сравненія законовъ, представляетъ различныя соображенія, которыя должны быть приняты во вниманіе при составленіи законовъ, и т. д.

Мы уже говорили, что теоретическія занятія вопросами этики, политической экономіи и политики возникли и развились у Кондорсэ подъ вліяніемъ природной сострадательности къ людямъ. Исторія его воззрѣній въ области политики вполнѣ подтверждаетъ высказанное предположеніе. Сначала онъ возставалъ противъ пытокъ варварства, нетерпимости несправедливаго суда, и его мысль работала надъ прямымъ устраненіемъ всѣхъ этихъ золъ. Дальнѣйшія размышленія привели его къ болѣе общимъ ихъ причинамъ, и онъ увидѣлъ спасеніе общества въ экономическихъ реформахъ, содѣйствующихъ свободѣ труда. Дѣятельность Тюрго убѣдила его въ томъ, что такимъ реформамъ мѣшаютъ извѣстныя формы правленія. Реформы Тюрго встрѣтили сопротивленіе въ консервативномъ парламентѣ, и Кондорсэ сталъ возставать противъ парламента. Во всѣхъ своихъ памфлетахъ и статьяхъ, относящихся къ тому времени, Кондорсэ не говоритъ ни слова о возможности республики для Франціи и въ этомъ отношеніи стоитъ за монархію, убѣжденный въ томъ, что правительство, внимая голосу народа, обуздаетъ ненависть парламента къ общеполезнымъ реформамъ. Онъ измѣнилъ свое мнѣніе только послѣ того, какъ потерялъ вѣру въ Людовика XVI.

Почти всѣ письма Кондорсэ къ Тюрго и къ Вольтеру, относящіяся къ этому времени, заключаютъ порицаніе дѣйствій парламента; въ одномъ письмѣ онъ говоритъ: «Пока парламентъ будетъ имѣть въ своихъ рукахъ полицейскій надзоръ за книгопечатаніемъ и цензуру—сила останется опасной. Отнимите ихъ у него—сила останется за нимъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда правда и разумъ будутъ на его сторонѣ». Въ другомъ письмѣ онъ прибавляетъ: «Пусть дадутъ народу хлѣба и даровыхъ судей—тогда можно терпѣливо ждать неминуемой гибели предразсудковъ и всего, что́ находитъ въ нихъ свою защиту.»

Дѣйствительно, парламентъ въ это время отличался большой нетерпимостью и жегъ одну за другой полезныя книги. Такъ напримѣръ, онъ запретилъ книгу Кондорсэ объ отмѣнѣ барщины, и многіе члены требовали ея сожженія.

Въ началѣ 1776 года Кондорсэ писалъ: «Парламентъ желаетъ гибели Тюрго», и вскорѣ опасенія Кондорсэ сбылись.

11 мая 1776 г. Тюрго получилъ отставку, и Кондорсэ писалъ къ Тюрго: «Наглость парламентскихъ дѣятелей дошла до того, что они домогаются запрещенія писать противъ нихъ; они на-

дѣются закрыть намъ уста: наши жалобы нарушаютъ ихъ спокойствіе. Вотъ до чего мы пали, дорогой учитель, и съ какой высоты!»

Параллельно съ занятіями общественными вопросами шла научная дѣятельность Кондорсэ, которая главнымъ образомъ состояла въ отправленіи обязанностей секретаря академіи наукъ; эту должность онъ занималъ, какъ мы уже говорили, съ 1775 г. Съ этого времени Кондорсэ не отдавался всецѣло математикѣ, но никогда также совершенно не прерывалъ своей связи съ наукой. Всю жизнь онъ съ большимъ рвеніемъ слѣдилъ за успѣхами наукъ математическихъ и физическихъ и, продолжая съ любовью заниматься приложеніемъ математики къ сложнымъ явленіямъ общественной жизни, примѣнилъ теорію вѣроятностей къ нѣкоторымъ задачамъ избирательнаго устройства. Въ занятіяхъ наукой Кондорсэ всегда видѣлъ средство сохранить свѣжесть своего ума; сверхъ того онъ придавалъ, какъ мы знаемъ, большое образовательное значеніе занятію различными науками.

Къ первымъ академическимъ трудамъ Кондорсэ относятъ неизданную записку «о лучшемъ устройствѣ ученыхъ обществъ»; она была написана для испанскаго правительства. Въ этой запискѣ замѣчательно хорошо выражена мысль, что при выборѣ академиковъ не слѣдуетъ обращать вниманія на различіе вѣроисповѣданія; Кондорсэ говоритъ: «еслибы академія состояла изъ атеиста Аристотеля, изъ брамина Пиѳагора, мусульманина Алхизена, католика Декарта, янсениста Паскаля, ультрамонтана Коссини, кальвиниста Гюйгенса, англиканца Бэкона, аріанина Ньютона и деиста Лейбница, то, надѣюсь, это была бы не плохая академія!»

И такъ, Кондорсэ, едва вступивъ въ академію наукъ, обнаружилъ вѣротерпимость и свободомысліе, которое не всѣми членами академіи было встрѣчено дружелюбно. Въ академіи наукъ, какъ всегда и вездѣ, существовали различныя партіи, и противъ Кондорсэ и Даламбера всегда враждовала партія Бюффона.

Въ той же запискѣ Кондорсэ возстаетъ между прочимъ противъ допущенія иностранцевъ въ академію. Это поражаетъ съ перваго взгляда, но находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что въ то время французское правительство слишкомъ усердно осыпало своими милостями посредственныхъ иностранцевъ и нерѣдко въ ущербъ своимъ геніальнымъ согражданамъ.

Фонтенель, первый секретарь академіи наукъ, сообщилъ этой должности такой блескъ, что по смерти его долгое время никто не рѣшался принять ее на себя. Гранъ-Фуши занималъ это мѣсто болѣе тридцати лѣтъ до вступленія Кондорсэ въ академію. Дряхлость и старость Фуши принуждали его искать себѣ помощника; послѣднему приходилось вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться и преемникомъ Фуши, потому большая часть членовъ, по внушенію Бюффона, возстала противъ назначенія Кондорсэ помощникомъ Фуши; Бюффонъ сильно стоялъ за астронома Бальи. Скромный Кондорсэ, выбранный, благодаря вліянію Даламбера, своими трудами захотѣлъ оправдать отданное ему предпочтеніе. По уставу академіи, изданномъ еще въ 1644 г., обязанность непремѣннаго секретаря заключалась между прочимъ въ оцѣнкѣ заслугъ умершихъ академиковъ.

Фонтенель написалъ большое число біографій, но далеко не исчерпалъ всего накопившагося матеріала. Академики, умершіе между 1666 и 1699 г., не имѣли біографій. Этотъ большой и важный пробѣлъ взялся пополнить Кондорсэ; онъ написалъ біографіи Гюйгенса, Роберваля, Пикара, Маріотта, Рёмера и др. Эти труды, требующіе глубокихъ и разнообразныхъ знаній, отличались вѣскими достоинствами, какъ внутренними, такъ и внѣшними. Самъ же Кондорсэ писалъ о нихъ Тюрго: «Еслибы я прибавилъ къ біографіямъ немного блестокъ, то онѣ болѣе бы нравились, но природа совершенно лишила меня способности заниматься наборомъ словъ, которыя «нейдутъ къ дѣлу».

Біографіи, написанныя Кондорсэ, ставили очень высоко люди, имѣвшіе понятіе о томъ, съ какимъ это сопряжено трудомъ и какого глубокаго знанія предмета требуетъ надлежащая оцѣнка научныхъ заслугъ замѣчательнаго человѣка. Вольтеръ, Даламберъ, Лагранжъ всегда отзывались о нихъ съ великимъ уваженіемъ. Даламберъ писалъ Лагранжу: «Кондорсэ заслужилъ мѣсто секретаря академіи наукъ своими похвальными рѣчами академикамъ, умершимъ послѣ 1699 г. Онѣ имѣютъ у насъ большой успѣхъ». Вольтеръ сказалъ Кондорсэ: «Вашъ сборникъ—драгоцѣнный памятникъ. Вы вездѣ являетесь хозяиномъ своего предмета, но хозяиномъ скромнымъ и ласковымъ».

Первымъ же трудомъ Кондорсэ въ этомъ родѣ было похвальное слово Фонтенелю, умершему въ августѣ 1771 г. Автору представились здѣсь неожиданныя затрудненія. Когда приходится писать біографіи современниковъ, неизбѣжно сообразо-

ваться съ требованіемъ семействъ, друзей и враговъ. И тѣ, и другіе не видятъ человѣка тѣмъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, а часто и не хотятъ видѣть. Только время очищаетъ личность великаго человѣка отъ всѣхъ этихъ примѣсей всякаго пристрастія! Кондорсэ какъ нельзя лучше сознавалъ, какой осторожности и обдуманности требуетъ отъ автора біографія современника. Изъ переписки Кондорсэ съ Тюрго видно, что онъ занимался «Фонтенелемъ» цѣлый годъ, и все же написалъ по объему небольшую біографію. Даламберъ въ своемъ письмѣ къ Лагранжу называетъ ее мастерскимъ произведеніемъ. Вольтеръ писалъ о ней Кондорсэ слѣдующее: «Вы доставили мнѣ величайшее наслажденіе на полчаса... Сухой предметъ вы украсили благородной и глубокой моралью, очаровывающей всѣхъ честныхъ людей... Если вы нуждаетесь въ копіи вашего сочиненія, то я вамъ ее возвращу, но прежде позвольте мнѣ отдать ее переписать для себя лично». Въ этомъ послѣднемъ желаніи Вольтера и заключалась высшая похвала.

Главнымъ достоинствомъ біографій Кондорсэ было то, что авторъ мастерски обрисовывалъ главныя черты характера и разсматривалъ дѣятельность замѣчательныхъ людей въ связи съ исторіей прогресса человѣческаго ума. Въ изложеніи біографій Кондорсэ прежде всего старался быть доступнымъ для своихъ слушателей и читателей. Къ нему вообще можно было примѣнить то, что̀ онъ самъ говорилъ о Франклинѣ: «въ его сочиненіяхъ нѣтъ ни одной строки, написанной ради славы». Пристрастіе также не имѣло мѣста въ сочиненіяхъ Кондорсэ. Бюффонъ, какъ мы говорили, всегда охотно вредилъ Кондорсэ. Между тѣмъ его похвальное слово Бюффону дышетъ искренностью и всестороннимъ пониманіемъ творца «Естественной исторіи»; въ немъ Кондорсэ говоритъ между прочимъ: «Все, что̀ обнаруживаетъ чувствительную и великую душу, найдете вы въ его твореніяхъ, и все это ворвалось сюда какъ бы противъ его воли; онъ всегда былъ человѣкомъ разума; читая его, намъ кажется, что мы бесѣдуемъ съ самимъ разумомъ, проявляющимъ ровно столько снисхожденія и чувствительности, сколько требуютъ того и другого наша слабость и наша польза. Творенія Бюффона потомство поставитъ наряду съ бесѣдами Сократа. Аристотель писалъ для однихъ ученыхъ, Плиній—для философовъ, Бюффонъ же—для всѣхъ образованныхъ людей».

Намъ извѣстно, что Кондорсэ отказался написать похваль-

ное слово Лаврильеру, потому что онъ считалъ неприличнымъ хвалить министра и почетнаго члена академіи, заявившаго себя распоряженіями, противными свободѣ печати. Изъ этого мы видимъ, что Кондорсэ былъ способенъ прощать вредъ, сдѣланный ему лично, но никогда не могъ извинить малѣйшаго прегрѣшенія противъ общаго блага.

Кондорсэ вообще очень охотно писалъ біографіи, особенно въ томъ случаѣ, если въ характерѣ или въ убѣжденіяхъ даннаго лица было много общаго съ его собственными. Такимъ образомъ онъ взялся писать похвальное слово Лопиталю, когда французская академія объявила конкурсъ на этотъ предметъ. Философъ увлекся прелестью и важностью предмета, но преміи не получилъ, потому что вышелъ изъ рамокъ, намѣченныхъ академіей. Нужна была небольшая рѣчь, которая для своего прочтенія требовала бы не болѣе часа. Сочиненіе же Кондорсэ вышло слишкомъ длинно. Жизнь Лопиталя считалъ онъ образцомъ для тѣхъ, которые, находясь въ трудныхъ обстоятельствахъ, предпочитаютъ общее благо своему спокойствію. Кондорсэ какъ нельзя болѣе удачно набросалъ картину того страшнаго времени, въ которое жилъ и дѣйствовалъ Лопиталь; онъ сперва представилъ намъ Лопиталя въ Италіи, у Бурбона, въ парламентѣ и на Болонскомъ соборѣ, потомъ послѣдовательно развернулъ передъ читателемъ его разнообразную дѣятельность. Лопиталь послѣдовательно является передъ нами канцлеромъ, министромъ, государственнымъ человѣкомъ. Франклинъ такъ отозвался о біографіи Лопиталя: «я съ восторгомъ прочиталъ ваше похвальное слово Лопиталю; я всегда зналъ, что вы—великій математикъ; теперь же признаю васъ однимъ изъ первыхъ государственныхъ людей въ Европѣ».

Но самыми замѣчательными біографіями, вышедшими изъ подъ пера Кондорсэ, считаются біографіи Тюрго и Вольтера, о которыхъ мы уже упоминали.

Дѣятельность Кондорсэ во французской академіи отличалась приблизительно тѣмъ же характеромъ, какъ и въ академіи наукъ. Въ 1782 г. въ годъ вступленія Кондорсэ членомъ въ эту академію, на одномъ изъ засѣданій присутствовалъ наслѣдникъ русскаго престола, впослѣдствіи императоръ Павелъ I, совершавшій въ то время путешествіе по Европѣ, подъ именемъ графа Сѣверино. Кондорсэ выпала «честь» привѣтствовать нашего великаго князя.

И онъ сказалъ по этому поводу замѣчательную рѣчь. Кондорсэ, какъ и всѣ энциклопедисты, питалъ глубокую симпатію къ Россіи за ея гуманное отношеніе къ великимъ ученымъ того времени, о чемъ уже говорилось нами въ біографіи Эйлера. Приводимъ здѣсь рѣчь Кондорсэ въ сокращенномъ видѣ:

«Время не изгладило изъ нашей памяти тотъ день, когда академія впервые увидѣла въ стѣнахъ своихъ государя (Петра Великаго), принимавшаго участіе въ засѣданіяхъ и съ живымъ интересомъ слушавшаго доклады о трудахъ академіи; но воспоминаніе объ этомъ событіи намъ особенно дорого въ настоящій моментъ, когда мы видимъ передъ собой правнука этого государя черезъ шестьдесятъ-пять лѣтъ занимающимъ то же мѣсто. Русскій царь, первый изъ коронованныхъ особъ, принялъ скромное званіе академика. Онъ не только его принялъ, но и заслужилъ, приславъ академіи свой мемуаръ о географіи Каспійскаго моря. Предѣлы Европы раздвинулись въ царствованіе этого государя; науки проникли въ новую имперію. Эта эпоха столь важнаго переворота въ Россіи ознаменовалась также счастливымъ преобразованіемъ въ европейской наукѣ. Русскій царь показалъ примѣръ того, какъ слѣдуетъ относиться государю къ просвѣщенію своихъ подданныхъ. Этотъ примѣръ какъ нельзя болѣе подѣйствовалъ на другихъ государей, и такое отношеніе властителей какъ нельзя лучше отозвалось на состояніи наукъ». Далѣе Кондорсэ весьма подробно выясняетъ, что въ наукѣ есть много такихъ изслѣдованій, результаты которыхъ достигаются только вѣками и совмѣстными усиліями всѣхъ обитателей земного шара. Такія работы не приносятъ людямъ ни денежнаго вознагражденія, ни славы, поэтому только правительство можетъ поощрять къ нимъ людей. Онъ говорилъ главнымъ образомъ объ изслѣдованіяхъ въ области метеорологіи, исторіи земного шара, которыя сопряжены съ затратами, недоступными для частнаго человѣка, и требуютъ трудовъ нѣсколькихъ поколѣній. Кондорсэ заключилъ свою рѣчь пожеланіемъ, чтобы правнукъ продолжалъ такъ славно начатое прадѣдомъ и т. д. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвела эта рѣчь на нашего великаго князя...

ГЛАВА IV.

Личная жизнь Кондорсэ.—Отношеніе его къ женщинамъ вообще.—Женитьба на г-жѣ де-Груши.—Личность жены Кондорсэ.—Общій характеръ салона Кондорсэ.—Журнальная дѣятельность Кондорсэ.—Кондорсэ, какъ популяризаторъ.—Начало его политической дѣятельности.

Мы говорили, что Даламберъ называлъ Кондорсэ «вулканомъ, засыпаннымъ снѣгомъ». Приводя эти слова Даламбера, Араго прибавляетъ: «Даламберъ видѣлъ вблизи дѣйствіе этого вулкана». По намекамъ современниковъ, дошедшимъ до насъ, можно заключить, что Кондорсэ былъ одно время, какъ говорится, жестоко и неудачно влюбленъ, но не пожелалъ увѣковѣчить имя предмета своей любви. Страсть была такъ велика, что этотъ нравственносильный и сдержанный человѣкъ подумывалъ о самоубійствѣ. Друзья Кондорсэ принимали живѣйшее участіе въ его сердечномъ горѣ. Тюрго совѣтывалъ ему сочинять стихи, говоря: «вы никогда не писали стиховъ, попробуйте изливать въ стихахъ свои чувства, это облегчитъ васъ». Лагранжъ убѣждалъ приняться за рѣшеніе какой-нибудь очень трудной геометрической задачи. Кондорсэ отвѣчалъ: «страсти ослабляютъ весь организмъ и разсудокъ; все, что не сопряжено съ сильными ощущеніями, не имѣетъ для меня ничего привлекательнаго».

Эту страсть вылечило только время. Изъ біографіи Кондорсэ намъ извѣстно, что онъ не только раздѣлялъ взгляды на женщинъ другихъ энциклопедистовъ, но шелъ дальше ихъ всѣхъ, требуя полнаго равенства мужчины и женщины передъ закономъ. Эти мысли о равноправности мужчинъ и женщинъ мы встрѣчаемъ и въ его политическихъ трактатахъ, и въ сочиненіи объ общественномъ образованіи, съ которымъ мы познакомимъ читателя въ послѣдней главѣ этой біографіи. Эти мысли о женщинахъ не представляютъ ничего такого, чего бы мы не слышали въ настоящее время, но во всемъ томъ, что теперь приводятъ въ пользу женскаго вопроса, и Кондорсэ не нашелъ бы ничего для себя новаго. Это былъ безспорно самый серьезный и сильный защитникъ женскихъ правъ. Все, что говорилось противъ этого, онъ отвергалъ, находя бездоказательнымъ. Кондорсэ заступался за женщинъ не изъ особой склонности къ нимъ, а во имя высшей справедливости. Онъ мало

бывалъ въ женскомъ обществѣ, и намъ извѣстна только дружба его съ г-жей Леспинассъ и г-жей Сюоръ. И самая его несчастная любовь уже доказываетъ, что онъ не принадлежалъ къ числу такъ называемыхъ поклонниковъ женскаго пола, которые всегда теряютъ способность къ глубокой страсти.

Каждое время имѣетъ свои взгляды на формы человѣческихъ отношеній. Въ томъ кругу, въ которомъ вращался Кондорсэ, было не въ обычаѣ жениться ученымъ и общественнымъ дѣятелямъ, хотя дружба съ женщинами и была въ большой модѣ. Даламберъ былъ сильно удивленъ извѣстіемъ о женитьбѣ Лагранжа и попросилъ у него объясненія этого событія его жизни. Лагранжъ отвѣчалъ ему съ полной откровенностью:

«Еслибы я раздумывалъ объ этомъ предметѣ, то поступилъ бы какъ Лейбницъ, который не рѣшился жениться. Сказать правду, и я самъ никогда не имѣлъ склонности къ супружеской жизни... Я женился, уступивъ силѣ обстоятельства; мнѣ было необходимо устроить судьбу одной моей бѣдной родственницы, да и самъ я нуждался въ заботахъ и попеченіи. Я не писалъ вамъ о своей женитьбѣ, потому что не считалъ эту перемѣну въ образѣ жизни важной для себя и достойной вашего вниманія».

Изъ біографіи Даламбера намъ извѣстны его отношенія къ госпожѣ Леспинассъ; таковы же приблизительно были и отношенія Вольтера къ госпожѣ де-Шателэ, которыя приводили въ такое умиленіе Кондорсэ. Но его собственная, личная жизнь, вѣроятно вслѣдствіе горестнаго событія, о которомъ мы говорили, началась довольно поздно. Это обусловливалось еще по всей вѣроятности тѣмъ, что Кондорсэ жилъ исключительно въ кругу своихъ друзей и рѣдко посѣщалъ другое общество.

Кондорсэ женился тридцати-четырехъ лѣтъ; онъ въ то время былъ уже секретаремъ академіи наукъ и предсѣдателемъ комитета мѣръ и вѣсовъ; его плѣнила красота г-жи де-Груши, а потомъ онъ привязался къ ней за ея умственныя и нравственныя качества. Свадьба Кондорсэ состоялась 27 сентября 1787 г. Мишлэ и другіе писатели утверждали, что г-жа де-Груши также любила безнадежно другого блестящаго придворнаго вельможу и что съ этой страстью она продолжала бороться и послѣ замужества до 1790 года, когда наконецъ великія достоинства ея мужа мало-по-малу окончательно покорили ея сердце. Г-жа Кондорсэ отличалась талантами и осно-

вательнымъ образованіемъ и тогда уже начала писать свои письма о симпатіи, которыя были напечатаны только въ 1798 г. Молодая жена раздѣляла политическія убѣжденія своего мужа и съ достоинствомъ переносила всѣ гоненія, которыя обрушились на нихъ со стороны аристократіи за мнимую измѣну интересамъ этого сословія. Если подъ именемъ интересовъ разумѣть привилегіи, то Кондорсэ возставалъ противъ нихъ еще въ самыхъ юныхъ лѣтахъ. Многіе друзья Кондорсэ были сначала непріятно поражены тѣмъ, что онъ своимъ личнымъ отношеніемъ придалъ форму брака, которая въ то время, какъ мы сказали, считалась отжившей для ученаго и философа. Герцогиня Ларошфуко осуждала его больше всѣхъ, но когда онъ представилъ своимъ друзьямъ свою прелестную жену, она первая шепнула на ухо Кондорсэ: «мы васъ прощаемъ!»

Кондорсэ никогда не былъ богатъ, хотя и занималъ довольно видное положеніе; несмотря на то, онъ не взялъ за женой никакого приданаго, и долго носился упорный слухъ, что герцогъ Ларошфуко, тронутый его безкорыстіемъ, подарилъ ему значительную сумму денегъ. Впослѣдствіи невѣрность этого слуха была доказана.

Домъ Кондорсэ считался однимъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ въ то время въ Парижѣ; онъ былъ открытъ для всѣхъ людей, проникнутыхъ умственными интересами. Г-жа Кондорсэ хотя не отличалась тонкимъ остроуміемъ г-жи Леспинассъ, но была проще, искреннѣй и глубже. Слѣды душевныхъ бурь придавали ей особую прелесть. Ея богатыя отъ природы умственныя силы на глазахъ у всѣхъ быстро развивались подъ вліяніемъ мужа. Свѣтскими удовольствіями Кондорсэ не пользовались. Мужъ успѣлъ убѣдить свою молодую жену въ томъ, что свѣтская жизнь—это вѣчное развлеченье безъ удовольствія, тщеславіе, ничѣмъ неоправдываемое, и праздность безъ отдыха. Кондорсэ совершенно удовлетворяла тихая, глубокая привязанность жены, можетъ быть потому, что самъ онъ былъ уже не способенъ къ болѣе страстному чувству

Общество салона г-жи Кондорсэ отличалось большимъ разнообразіемъ. Здѣсь мирные энциклопедисты встрѣчались съ будущими революціонерами Робинэ приводитъ длинный списокъ лицъ, посѣщавшихъ Кондорсэ, и вмѣстѣ сознается, что трудно перечислить ихъ всѣхъ.

Лафайетъ встрѣчался здѣсь съ Мирабо, а послѣ смерти послѣдняго заступилъ его мѣсто Кабанисъ. Изамберъ называлъ домъ Кондорсэ центромъ всей просвѣщенной Европы; въ немъ можно было встрѣтить и короля Даніи, и пословъ Швеціи, Англіи и Америки.

Согласно духу времени, въ этомъ салонѣ политическіе вопросы вскорѣ заняли первое мѣсто, и многое изъ того, что̀ было напечатано впослѣдствіи Кондорсэ, въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ или журнальныхъ статей, изложено было сперва дома передъ друзьями и подвергнуто ихъ обсужденію. Сверхъ того академическія рѣчи и лекціи продолжали занимать Кондорсэ, въ то время и въ нихъ проявлялись уже съ большой ясностью идеи, высказанныя потомъ въ «Картинѣ успѣховъ человѣческаго разума». Къ тому же времени относится напечатаніе трактата о прекращеніи торга неграми. Въ немъ находимъ мы строгое опроверженіе всего, что̀ говорилось въ то время за принудительный трудъ негровъ. Сверхъ того Кондорсэ стремился доказать, что сами плантаторы страдаютъ отъ непроизводительности несвободнаго труда и дурного качества обработки земли. Кондорсэ желалъ, чтобы освобожденіе негровъ совершилось безвозмездно. Знакомству Кондорсэ съ положеніемъ дѣлъ въ Америкѣ не мало содѣйствовала дружба его съ американскимъ посланникомъ Джефферсономъ, и имя Кондорсэ пользовалось большой популярностью въ Америкѣ.

Но какъ сильно ни занимали голову Кондорсэ политическіе вопросы, онъ продолжалъ заниматься популяризаціей своихъ научныхъ знаній. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія возникъ тотъ «лицей», просуществовавшій до 1848 г., который въ настоящее время называютъ колыбелью соціологіи, потому что въ немъ были прочитаны первыя лекціи Кондорсэ объ исторіи развитія астрономіи и приложеніи математики къ общественнымъ наукамъ («Discours sur l'astronomie et le calcul des probabilités», lu au lyccè 1787), а также курсъ положительной философіи Огюстомъ Контомъ.

Мы видѣли, что, хотя Кондорсэ не могъ отдаться одной чисто-научной дѣятельности, а тѣмъ болѣе ограничиться наукой отвлеченной, онъ въ то же время не былъ практическимъ дѣятелемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Мы знаемъ, что въ то время, когда наступалъ годъ революціи, онъ размышлялъ,

разъяснялъ, но его всего менѣе можно назвать было революціонеромъ. Какъ ораторъ, онъ никогда не имѣлъ успѣха, несмотря на то, что обладалъ даромъ слова,—ему недоставало голоса, дикціи, жестовъ. Кондорсэ занимался въ то время журнальной дѣятельностью. Сперва онъ сотрудничалъ въ «Journal de Paris», а затѣмъ—въ основанной имъ самимъ «Библіотекѣ публичнаго дѣятеля». Здѣсь онъ напечаталъ рядъ компиляцій изъ Аристотеля, Маккіавелли, Бодэна, Бэкона, Юма, Локка, Адама Смита, присоединивъ къ трактату послѣдняго «О богатствѣ народовъ» собственныя примѣчанія. Уже самый выборъ философовъ показываетъ, какое образованіе считалъ Кондорсэ необходимымъ для общественнаго дѣятеля. Свои статьи, относящіяся къ вопросамъ дня, онъ помѣщалъ въ журналахъ 1789 г. и въ бюллетеняхъ общественнаго союза «Желѣзный ротъ» («Bouche de fer»).

Бѣгство Людовика XVI въ Вареннъ произвело сильное впечатлѣніе на Кондорсэ, сопровождавшееся переворотомъ въ его политическихъ взглядахъ относительно Франціи; тогда онъ вмѣстѣ съ Томасомъ Пэномъ началъ издавать первую республиканскую газету во Франціи: «Республиканецъ или защитникъ представительнаго правительства». Поступки короля въ то время вызвали недовольство въ самыхъ преданныхъ ему людяхъ и вскорѣ изъ нихъ составилось общество, имѣвшее цѣлью мирное, безкровное водвореніе во Франціи республики. Въ числѣ членовъ этого общества находимъ мы Ларошфуко и Кондорсэ. Этотъ союзъ вскорѣ же распался, и рѣшено было уничтожить всѣ проекты и планы. Кондорсэ, изъ желанія общаго блага, не могъ подчиниться такому рѣшенію; онъ перешелъ въ другое общество, названное Соціальнымъ. Послѣднее напечатало рѣчи Кондорсэ въ пользу мирной республики, и это повело за собой разрывъ Кондорсэ съ герцогомъ Ларошфуко и съ другими друзьями-роялистами. Намъ извѣстно, какое значеніе для Кондорсэ имѣли узы дружбы; онъ могъ принести ихъ только въ жертву своимъ убѣжденіямъ. Араго называетъ разрывъ этотъ неблагоразумнымъ. Съ нашей же точки зрѣнія онъ является неизбѣжнымъ. Кондорсэ чувствовалъ, что насталъ моментъ дѣйствовать: онъ былъ огорченъ, что не состоялъ членомъ конституціоннаго собранія, и считалъ себя вправѣ спросить: «неужели геометръ, занимавшійся почти треть столѣтія политическими науками и почти первый приложив-

шій къ нимъ анализъ, не можетъ высказать своего мнѣнія о вопросахъ, разсматриваемыхъ въ конституціонномъ собраніи». Въ то время во Франціи совершался переворотъ и зрѣли идеи, имѣвшія такое важное отношеніе къ будущему человѣчества, что глаза цѣлаго міра были устремлены на Францію. Понятно, какія чувства волновали въ то время грудь каждаго француза, а тѣмъ болѣе человѣка, жившаго исключительно общественными интересами, какъ Кондорсэ. Жажда дѣятельности его пробудилась съ необыкновенной силой, но онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, всѣ были противъ него, потому что всѣ дѣлились тогда на партіи.

Для лучшей характеристики Кондорсэ, какъ политическаго дѣятеля, служатъ отношенія его къ извѣстнымъ намъ дѣятелямъ революціи. Начнемъ съ Лафайета: Кондорсэ былъ друженъ съ Лафайетомъ до тѣхъ поръ, когда послѣдній, по словамъ перваго, сдѣлался игрушкой въ рукахъ интригановъ. Поводомъ къ разрыву послужила кровавая расправа на Марсовомъ полѣ, послѣ которой Кондорсэ написалъ Лафайету: «Двѣнадцать лѣтъ васъ всѣ считали защитникомъ свободы; если же вы будете продолжать поступать такъ, васъ будутъ считать врагомъ свободы». И съ тѣхъ поръ прекратилъ свои сношенія съ Лафайетомъ. Маратъ своей пропагандой анархіи и убійства выводилъ Кондорсэ изъ состоянія обычнаго равновѣсія; Кондорсэ нападалъ на него горячо и рѣзко и говорилъ: «Катонъ и Брутъ покраснѣли бы при мысли оказаться въ сообществѣ Марата».

Объ отношеніяхъ своихъ къ Дантону Кондорсэ говорилъ слѣдующее: «Меня обвиняли въ томъ, что я содѣйствовалъ назначенію Дантона министромъ юстиціи Я былъ убѣжденъ, что въ министерствѣ необходимъ былъ человѣкъ, располагающій народнымъ довѣріемъ, чтобы сдерживать проявленія страстей. Къ тому же надо было выбрать человѣка, который своимъ характеромъ, умомъ и ораторскимъ талантомъ находился бы на высотѣ своего призванія. Всѣ эти качества соединялъ въ себѣ Дантонъ».

И Кондорсэ не жалѣлъ, что содѣйствовалъ возвышенію Дантона, хотя ставилъ ему въ вину, что онъ черезъ-чуръ подчинялся народу и всегда руководился мнѣніемъ толпы.

Въ Дантонѣ Кондорсэ высоко цѣнилъ то, что тотъ не питалъ ненависти и страха къ знаніямъ, талантамъ и добродѣ-

телямъ. Это была большая рѣдкость въ революціонерѣ. Съ жирондистами Кондорсэ сходился во многомъ, хотя и не принадлежалъ къ ихъ партіи, сохраняя свою полную независимость.

«Жирондисты,—говорилъ онъ,—требуютъ отъ меня, чтобы я разошелся съ Дантономъ, и Дантонъ настаиваетъ на моемъ разрывѣ съ жирондистами; я же стараюсь только о томъ, чтобы каждая партія поменьше занималась собственными дѣлами и побольше думала объ общемъ благѣ». Къ Робеспьеру Кондорсэ относился холодно, но справедливо. Робеспьеръ же ненавидѣлъ Кондорсэ, какъ противника въ политикѣ.

Кондорсэ еще въ молодости своей останавливалъ вниманіе г-жи Леспинассъ совмѣщеніемъ въ себѣ повидимому непримиримыхъ между собой контрастовъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что онъ являлся передъ нами то горячимъ, непреклоннымъ и рѣзкимъ, то мягкимъ, добродушнымъ и чувствительнымъ. Извѣстная г-жа Ролланъ считала его человѣкомъ безхарактернымъ и, намекая на двойственность его природы, называла *ватой, пропитанной спиртомъ*. И вѣроятно многіе раздѣляли это мнѣніе. Въ сущности все сводилось къ тому, что въ Кондорсэ не было банальныхъ признаковъ сильной воли, т. е. строгихъ бровей, огненныхъ глазъ, громового голоса и т. п., и проявленіе его желѣзной воли можно было видѣть только въ поступкахъ. Осуждали его также за измѣнчивость взглядовъ. Мы видѣли, что онъ сперва былъ монархистомъ, потомъ же, сравнительно поздно, сдѣлался республиканцемъ. Между тѣмъ во всемъ этомъ и обнаруживается цѣльность и послѣдовательность. Всѣ измѣненія въ его взглядахъ вытекали изъ одного неизмѣннаго желанія добра своей родинѣ. Онъ присматривался къ обстоятельствамъ, изучалъ факты, и отъ этого взгляды его постепенно расширялись.

Такъ напримѣръ, одно время Кондорсэ стоялъ за ограниченіе политическихъ правъ одними собственниками. Въ 1790 г. онъ возставалъ противъ ценза для кандидатовъ въ депутаты, но ничего не имѣлъ противъ небольшой и легкой таксы на всѣхъ, кто пожелаетъ отправлять обязанности активнаго гражданина.

Черезъ годъ Кондорсэ счелъ возможнымъ еще болѣе расширить основы представительства, а при обсужденіи закона 10-го августа 1791 г. онъ настаиваетъ на предоставленіи избирательнаго права всѣмъ тѣмъ, кто имѣетъ постоянную

осѣдлость, будь они собственники или нѣтъ. Въ представленномъ же имъ въ 1793 г. проектѣ конституціи признается уже всеобщее право голосованія. Это постепенное развитіе и придаетъ особую цѣнность политическимъ взглядамъ Кондорсэ; они установились тѣмъ же путемъ, какимъ устанавливаются научныя истины въ точныхъ наукахъ.

Въ то время, когда Кондорсэ наконецъ открылся доступъ къ той практической дѣятельности, о которой онъ мечталъ еще въ молодости, ему было уже около пятидесяти лѣтъ. Изъ своей предшествующей разнообразной дѣятельности философъ успѣлъ взять все, что́ могло служить хорошей школой для политика. И онъ сознавалъ себя какъ нельзя лучше подготовленнымъ къ этой дѣятельности, но путь его въ этомъ отношеніи былъ не широкъ. Его не выбрали въ генеральные штаты. Засѣдая вмѣстѣ съ Бальи въ муниципалитетѣ, онъ заявилъ себя здѣсь ясно выраженнымъ мнѣніемъ о необходимости выбирать министровъ изъ списка кандидатовъ въ депутаты. Приблизительно въ то-же время Кондорсэ предстояло сдѣлаться морскимъ министромъ, но онъ отказался и указалъ на математика Монжа, который вскорѣ и занялъ это мѣсто.

Въ 1791 г. Кондорсэ оставилъ муниципалитетъ; его выбрали коммиссаромъ національнаго казначейства; дѣятельность его такимъ образомъ нѣсколько расширилась. Ему принадлежала редакція адреса, поданнаго городомъ Парижемъ конституціонному собранію, съ требованіемъ измѣненія закона, опредѣлявшаго право гражданъ пропорціонально количеству платимыхъ ими податей.

Въ концѣ 1791 г. Кондорсэ однако отказался отъ должности коммиссара, желая во что бы то ни стало сдѣлаться членомъ національнаго собранія. Но здѣсь философъ встрѣтилъ крайне ожесточенную вражду партій, вооруженную самой черной клеветой, жертвой которой вскорѣ и сдѣлался этотъ безупречный человѣкъ. Одинъ памфлетистъ увѣрялъ, что секретарь академіи по ночамъ посѣщалъ дворъ, велъ дружбу съ братомъ короля и въ то же время высказывался противъ двора въ своихъ сочиненіяхъ. Это было тяжкое обвиненіе въ то время. Къ счастью, вскорѣ оказалось, что ночной посѣтитель двора былъ не Кондорсэ, а графъ Орсей, первый камергеръ королевскаго брата. Несмотря на сѣти интригъ, Кондорсэ, вступивъ въ законодательное собраніе, сдѣлался его секретаремъ,

а вскорѣ и президентомъ. Неловкость, застѣнчивость и слабость голоса лишали его однако возможности поражать съ трибуны своихъ противниковъ и являться побѣдителемъ въ шумныхъ спорахъ. Но онъ неизмѣнно служилъ оффиціальнымъ органомъ собранія, когда оно имѣло надобность обращаться къ народу, къ иностраннымъ государствамъ и къ представителямъ партій. Здѣсь во всей своей полнотѣ проявлялись убѣдительность рѣчи и безграничная справедливость Кондорсэ.

Дѣятельность Кондорсэ въ законодательномъ собраніи болѣе отвѣчала его призванію. Онъ занимался организаціей публичнаго образованія. Къ этому времени относится изданіе его знаменитаго трактата «Sur l'instruction publique» и многихъ проектовъ, относящихся къ подробностямъ организаціи народнаго образованія. Въ послѣдней главѣ мы будемъ говорить объ этомъ сочиненіи подробнѣе, теперь же ограничимся указаніемъ той главной идеи, которой оно проникнуто. Въ воспитаніи Кондорсэ видѣлъ ничѣмъ незамѣнимое средство установить между людьми возможное равенство и достигнуть непрерывнаго и безпредѣльнаго усовершенствованія рода человѣческаго. Трактатъ Кондорсэ, какъ и проекты, отличаются большой оригинальностью и широтой взглядовъ. Они, какъ видно, составляли плодъ долгихъ размышленій.

Публичныя школы, по мнѣнію Кондорсэ, должны имѣть одну цѣль—дать средства къ образованію. Правительство не должно стремиться *воспитать* будущихъ гражданъ по собственному плану въ виду какихъ-нибудь государственныхъ цѣлей, какъ это обыкновенно имѣло мѣсто въ древности. Заботу же о религіозномъ воспитаніи необходимо предоставить семьѣ.

ГЛАВА V.

Кондорсэ—членъ конвента.—Участіе въ заграничной пропагандѣ.—Протестъ противъ осужденія и казни короля.—Общее настроеніе въ то время.—Отношеніе къ нему Кондорсэ.—Кондорсэ—членъ коммиссіи составленія проекта конституціи.—Проектъ Кондорсэ отвергнутъ.—Кондорсэ объявленъ внѣ закона.

Въ Парижѣ во время революціи, когда люди отдавались необузданнымъ страстямъ, Кондорсэ выводилъ ихъ изъ терпѣнія своей послѣдовательностью и сдержанностью; якобинцамъ

онъ настолько мозолилъ глаза, что они требовали удаленія его изъ національнаго собранія, но въ провинціи люди были не настолько еще опьянены событіями,—тамъ больше, чѣмъ въ Парижѣ, знали цѣну Кондорсэ. И по настоятельному требованію нѣсколькихъ департаментовъ онъ былъ назначенъ въ конвентъ...

«Конвентъ — это своего рода Гималай»,—говоритъ Викторъ Гюго.

Въ конвентѣ толпились и сражались истинные бойцы, отошедшіе теперь въ область тѣней. Въ то время онъ представлялъ грандіозное зрѣлище. Справа Жиронда — легіонъ мыслителей, слѣва Гора — группа атлетовъ. Къ людямъ, полнымъ страстей, примѣшивались люди-мечтатели. Одни мечтали о войнѣ, другіе — о мирѣ. Среди потоковъ бѣшенаго краснорѣчія, среди воя и грознаго ропота голосовъ уживалось и плодотворное молчаніе. Лантено молчалъ и основывалъ школы первоначальнаго обученія; Ревельеръ-Лепо молчалъ и размышлялъ о томъ, какъ возвести философію на степень религіознаго величія. Артисты, ораторы, люди-колоссы, какъ Дантонъ, люди-младенцы, какъ Клоцъ, гладіаторы и философы, — всѣ стремились къ одной цѣли — прогрессу.

Вотъ въ главныхъ чертахъ картина конвента, начертанная мастерской рукой В. Гюго. Къ сожалѣнію, нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ о Кондорсэ, не даютъ послѣднему надлежащаго мѣста въ этой картинѣ; Кондорсэ стоялъ за долгъ, это правда, но далеко не все. Роль его въ конвентѣ была совсѣмъ исключительная; онъ не принадлежалъ къ числу людей дѣйствія, потому что дѣйствовать въ то время — значило безпощадно истреблять; но мы также не рѣшились бы его поставить не только въ ряду мечтателей-утопистовъ, но также мечтателей со свѣтлой головой. Утописты — всегда плохіе наблюдатели и навязываютъ дѣйствительности свои золотые сны. Кондорсэ же отличался большой объективностью и зналъ жизнь. Въ то время какъ другіе шли къ своей цѣли, не стѣсняясь средствами, онъ взвѣшивалъ ихъ поступки и предостерегалъ отъ многихъ послѣдствій, гибельныхъ для чести и свободы французскаго народа. Кондорсэ представлялъ собой и голову, и совѣсть конвента.

Въ тотъ промежутокъ времени, когда Кондорсэ состоялъ членомъ конвента, въ дѣятельности этого послѣдняго выдающимися

были слѣдующіе пункты: вліяніе Франціи на правительства другихъ европейскихъ державъ, процессъ и осужденіе Людовика XVI и составленіе проекта новой конституціи. Для того чтобы дать понятіе о дѣйствіяхъ Кондорсэ какъ члена конвента, необходимо охарактеризовать его участіе во внѣшней политикѣ. Замѣчательно, что мирный Кондорсэ въ то время постоянно подавалъ голосъ за войну и старался всѣми силами содѣйствовать успѣхамъ французскаго оружія. Такое поведеніе философа осталось-бы для насъ непонятнымъ, еслибы Кондорсэ въ то же время не далъ намъ объясненія этого явленія. Но мы знаемъ, что онъ обращался отъ имени французской республики ко всѣмъ свободнымъ людямъ міра, посылалъ совѣтъ испанцамъ, адресъ голландцамъ, нѣмцамъ, писалъ письмо другу въ Швейцарію. Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ братски подѣлиться со всѣми народами тѣмъ, къ чему пришла Франція. Онъ желалъ, чтобы Франція завоевала міръ для того, чтобъ сдѣлаться защитницей всѣхъ угнетенныхъ. Такой энтузіазмъ понятенъ намъ въ ту эпоху; въ настоящее время многихъ удивитъ своей наивностью мысль Кондорсэ о возможности союза республикъ, состоящихъ изъ народовъ, совершенно къ нимъ не подготовленныхъ даже въ настоящее время. За этотъ энтузіазмъ Кондорсэ и прослылъ главнымъ образомъ мечтателемъ. Но въ сущности Кондорсэ утверждалъ слѣдующее: «такъ какъ истина, разумъ, справедливость, права людей, интересы собственности, свободы и безопасности всюду одни и тѣ-же, то нѣтъ препятствій къ тому, чтобы отдѣльныя государства имѣли общіе всѣмъ законы— гражданскіе, уголовные, торговые и т. д. Хорошій законъ хорошъ для всѣхъ, какъ правильный выводъ для всѣхъ обязателенъ». Такое мнѣніе какъ будто противорѣчитъ безспорной истинѣ, что государственное устройство народовъ должно соотвѣтствовать его исторіи.

Но ближайшее знакомство съ сочиненіями Кондорсэ, а главное съ его перепиской выставляетъ это дѣло совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Подъ одними законами Кондорсэ разумѣлъ вообще законы, обезпечивающіе естественныя права человѣка. Философъ, признавшій только въ послѣдніе годы жизни возможность республиканскаго образа правленія для Франціи, конечно не могъ считать республику удобной и осуществимой для всякаго другого государства. Самымъ ревностнымъ сотрудникомъ Кондорсэ по распространенію заграницей *идей* братства

и равенства былъ Анахарсисъ Клотцъ,—это было ихъ общимъ стремленіемъ но Клотцъ доходилъ до крайностей и утопіи, которыя приписывались и Кондорсэ, поэтому послѣдній и прослылъ мечтателемъ, наравнѣ съ первымъ.

Въ качествѣ члена конвента, Кондорсэ принадлежалъ къ числу судей Людовика XVI. Намъ очень важно выяснить, какъ онъ велъ себя въ этомъ дѣлѣ. Какъ истинный *философъ*, онъ началъ съ того, что предложилъ конвенту рядъ вопросовъ, которые непремѣнно должны были представиться всякому просвѣщенному уму, неомраченному страстью: Можно-ли судить короля? Его неприкосновенность не была-ли безусловной по смыслу конституцій? Возможна-ли свобода въ томъ государствѣ, въ которомъ положительный законъ не принимается за основаніе суда? Не противно-ли основамъ нравственности преслѣдовать поступки, которые ни въ какомъ законѣ не названы преступленіемъ? Могутъ-ли справедливо судить монарха низвергшіе его подданные? Еслибы Людовикъ XVI не былъ увѣренъ въ своей неприкосновенности, то неужели онъ принялъ-бы корону?

Само-собой разумѣется, что эти вопросы, поставленные Кондорсэ были не въ духѣ времени и пришлись не по вкусу другимъ членамъ конвента. На него посыпались обвиненія не въ одной слабости характера, но и въ приверженности къ монархическому образу правленія. Между тѣмъ Кондорсэ упорно стоялъ на своемъ, признавая, что король не отвѣтственъ за поступки, согласные съ предоставленной ему властью, и поэтому считалъ не только наказаніе, но и самый судъ надъ королемъ незаконнымъ. Конвентъ соединялъ въ себѣ власть законодательную, обвинительную и судебную. Такое соединеніе строгій умъ Кондорсэ считалъ противорѣчащимъ всѣмъ непреложнымъ понятіямъ о правѣ. Къ тому-же король былъ обвиненъ и осужденъ на смертную казнь прежде суда. Благородное сердце Кондорсэ возмущалось такой несправедливостью. Онъ сильно возставалъ также вообще противъ смертной казни и въ это смутное и кровавое время не боялся говорить передъ собраніемъ разъяренныхъ людей: «Смертную казнь я считаю несправедливой...»

Уничтоженіе смертной казни есть одно изъ могущественныхъ средствъ для улучшенія рода человѣческаго и смягченія

его нравовъ... Кондорсэ допускалъ наказанія только съ исправительной цѣлью, приводящія преступника къ раскаянію.

Голосъ Кондорсэ, разумѣется, былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Конвентъ не выслушалъ какъ слѣдуетъ его доводовъ и произнесъ королю смертный приговоръ. Человѣческія страсти, играющія всегда такую большую роль въ жизни, въ то время достигли высшихъ предѣловъ. Въ день произнесенія приговора надъ королемъ присутствовавшіе разсказывали, что одинъ изъ депутатовъ приказалъ принести себя больного въ собраніе и, умирая, подалъ голосъ за жизнь короля; другой послѣ 36-ти-часового засѣданія упалъ на скамью и заснулъ, а когда пришла его очередь подавать голосъ, его разбудили, онъ, полуоткрывъ глаза, сказалъ: «смерть!» и опять заснулъ.

Араго не прощаетъ Кондорсэ его пребыванія въ конвентѣ послѣ произнесенія смертнаго приговора королю. Но философъ могъ-бы оставить конвентъ исключительно подъ вліяніемъ горячаго негодованія; послѣднему-же трудно было возникнуть, потому что Кондорсэ хорошо понималъ *невмѣняемость* большинства членовъ конвента. Кондорсэ считалъ себя не вправѣ оставлять конвентъ, пока обстоятельства позволяли ему приносить пользу, сколько-нибудь сдерживая дикія страсти. Конвентъ-же при своей изумительной и до крайности многосторонней дѣятельности *несомнѣнно* заботился также о лучшей политической организаціи Франціи. Онъ поручилъ коммиссіи, состоявшей изъ девяти членовъ, составить програму новой конституціи. Въ числѣ этихъ членовъ былъ Кондорсэ. Проектъ заключалъ въ себѣ всѣ мѣры для обезпеченія справедливости и свободы и былъ представленъ конвенту 15-го февраля 1793 г.; онъ состоялъ изъ тридцати главъ, раздѣленныхъ на множество параграфовъ. Одно введеніе, объяснявшее основанія проекта, занимало 115 страницъ и цѣликомъ принадлежало перу Кондорсэ. Этотъ глубокій и серьезный трудъ надлежало разсмотрѣть въ самомъ непродолжительномъ времени. Кондорсэ и сдержанно, и нетерпѣливо ожидалъ этого рѣшительнаго момента. Онъ съ грустью видѣлъ, что въ засѣданіяхъ все время уходило на безполезные споры, въ которыхъ проявлялись мелкіе личные интересы и духъ партій. Наконецъ видя, что дорогое время уходитъ, Кондорсэ потребовалъ разсмотрѣнія проекта. Въ Парижѣ требованіе это было встрѣчено недружелюбно;

проектъ, представленный Кондорсэ, не возбуждалъ интереса, потому что его трезвые и безпристрастные взгляды въ то время были какъ нельзя болѣе не кстати въ Парижѣ, но въ департаментахъ обнародованіе его ждали съ большимъ нетерпѣніемъ; шаткость временнаго государственнаго устройства приводила въ отчаяніе народъ. Конвентъ отвергъ планъ конституціи, представленный коммисіей, и поспѣшилъ успокоить народъ, давъ ему конституцію, наскоро составленную Геро де-Сошелемъ. Легкомысленные жители Парижа встрѣтили это событіе восторгомъ и пушечными выстрѣлами. Сіесъ же мѣтко назвалъ эту конституцію *неудачнымъ оглавленіемъ пустой книги*, но осторожный аббатъ говорилъ это потихоньку между своими. То-же самое Кондорсэ высказалъ публично, и это не прошло ему даромъ. Измѣнила-ли ему на этотъ разъ его обычная сдержанность, или онъ былъ убѣжденъ, что насталъ часъ для смѣлаго рѣшительнаго шага?

Мы склоняемся въ пользу послѣдняго предположенія. Кондорсэ напечаталъ посланіе къ народу и совѣтовалъ ему не принимать новой конституціи. Онъ откровенно и ясно излагалъ ея многочисленные недостатки и указывалъ на ихъ вредныя серьезныя послѣдствія.

«Неприкосновенность представителей народа,—писалъ онъ,—нарушена арестомъ 27 жирондистовъ. Это стѣсняетъ свободу преній. Инквизиціонная цензура, разграбленіе типографій и закрытіе частныхъ школъ должны считаться нелѣпыми препятствіями для выраженія общественнаго мнѣнія. Новая конституція молчитъ о вознагражденіи депутатовъ; это значитъ, что всѣ они должны быть богаты или же принуждены будутъ наживать деньги косвеннымъ путемъ. Избирательныя коллегіи раздроблены и доступны для интригъ посредственности. Недовѣрчивость къ общимъ народнымъ собраніямъ искажаетъ характеръ народа и забиваетъ его здравый смыслъ. Исполнительная власть, составленная изъ 24 членовъ, будетъ источникомъ безпорядковъ и совершеннаго застоя въ дѣлахъ. Конституція ничего не спасетъ, если она не охраняетъ правъ и спокойствія гражданъ. Въ новой конституціи много постановленій, клонящихся къ федерализму, къ разрыву государственнаго единства. Предполагаемыя же реформы принадлежатъ къ области фантазій. Вамъ, французы,—говорилъ онъ далѣе,—*судить*, какой изъ двухъ проектовъ болѣе охраняетъ неприкосновенность поли-

тическихъ правъ согражданъ и обезпечиваетъ ихъ естественныя права». За этимъ слѣдуетъ подробное сравненіе обоихъ проектовъ, и Кондорсэ обращается къ согражданамъ съ просьбой взвѣсить, который изъ проектовъ болѣе гарантируетъ ихъ въ будущемъ отъ козней партій и интригъ. Въ этихъ предостереженіяхъ Кондорсэ обнаруживаетъ большую предусмотрительность и знаніе жизни, которыя никогда не бываютъ доступны мечтателю. Напримѣръ, говоря о роли исполнительнаго совѣта въ проектѣ Геро де-Сошеля, онъ предсказываетъ, что такой исполнительный совѣтъ легко замѣнить властью одного лица. Послѣдующее время какъ нельзя лучше подтвердило его предположеніе.

Мы знаемъ, что конвентъ былъ уже сильно раздраженъ противъ Кондорсэ за его огненныя рѣчи во время процесса Людовика XVI. Когда-же Шабо донесъ конвенту 8 іюля 1793 г. о воззваніи философа къ народу, конвентъ рѣшилъ тотчасъ-же безъ всякаго слѣдствія и дальнѣйшихъ разсужденій арестовать Кондорсэ и подвергнуть его суду.

Ко всему этому, разумѣется, присоединили множество мнимыхъ обвиненій; сперва Кондорсэ причисляли къ партіи жирондистовъ, потомъ совершенно несправедливо связывали его имя съ именемъ Бриссо. Но Кондорсэ, по своей сильно выраженной индивидуальности, никогда не могъ сдѣлаться человѣкомъ партіи; прирожденное-же благородство не позволяло ему быть заговорщикомъ. Онъ подавалъ иногда голосъ вмѣстѣ съ жирондистами, если сходился съ ними въ убѣжденіяхъ. Такъ какъ противъ Кондорсэ не могло существовать никакихъ дѣйствительныхъ вѣскихъ обвиненій, то рѣшили осудить его заочно; имя его внесли въ списокъ эмигрантовъ, лишенныхъ покровительства законовъ, и конфисковали все его имущество.

Кондорсэ конечно зналъ, что̀ его ожидаетъ послѣ обнародованія посланія о новой конституціи. Онъ какъ нельзя лучше замѣчалъ признаки приближавшейся бури и грозы. Друзья его, Кабанисъ и Викъ д'Азиръ, искали для него надежнаго убѣжища.

Достойно вниманія, что Кондорсэ обвиняли въ *заговорѣ* противъ *единства* и *нераздѣльности* французской республики, противъ свободы и безопасности націи, однимъ словомъ—противъ всего, за что̀ онъ всегда готовъ былъ отдать жизнь.

ГЛАВА VI.

Послѣдніе годы жизни Кондорсэ.—Личность г-жи Вернэ и жизнь Кондорсэ въ ея домѣ.—Заботы о женѣ и дочери.—Стихотвореніе, посвященное женѣ.—Начало апологіи политической дѣятельности.—Сочиненіе Кондорсэ «Картина успѣховъ человѣческаго разума» и его завѣщаніе.—Кондорсэ оставляетъ домъ Вернэ.—Арестъ и смерть.

Когда для Кондорсэ явилась необходимость скрыться, друзья Кабаниса, доктора Бойе и Пинель, нашли для него пріютъ у вдовы скульптора Вернэ. Это была необыкновенно добрая женщина; она, какъ мы увидимъ, оказала такія важныя услуги Кондорсэ, что заслуживаетъ памяти потомства. Намъ придется сказать о ней нѣсколько словъ. Въ достовѣрности разсказа, который мы намѣреваемся передать, нельзя сомнѣваться. Дочь Кондорсэ, г-жа Оконорэ, слышала его отъ своей матери. Г-жа Вернэ родилась въ Провансѣ; она отличалась горячимъ сердцемъ, живымъ воображеніемъ, благороднымъ и открытымъ характеромъ и готова была помочь человѣку, къ какой бы политической партіи онъ ни принадлежалъ. Съ ней можно было говорить прямо. Такъ и поступили въ данномъ случаѣ друзья Кабаниса. —«Сударыня,—сказали они г-жѣ Вернэ,—мы хотимъ спасти осужденнаго.—Что онъ—честный человѣкъ?—Да.—Такъ пусть придетъ ко мнѣ.—Хотите знать его имя?—Послѣ; а теперь не теряйте времени: пока мы здѣсь говоримъ, вѣдь его могутъ схватить». Въ тотъ же день вечеромъ Кондорсэ, не задумываясь ни на минуту, ввѣрилъ свою жизнь женщинѣ, о существованіи которой не зналъ до того времени. Для характеристики г-жи Вернэ приведемъ слѣдующій случай. Еще до услуги, оказанной Кондорсэ, ей удалось дать убѣжище одному изъ гонимыхъ. Имя перваго своего жильца она никогда никому не хотѣла открыть, не исключая и семейства Кондорсэ. Въ 1830 году, черезъ тридцать-семь лѣтъ, на вопросъ дочери Кондорсэ, кто былъ этотъ несчастный, г-жа Вернэ отвѣчала неопредѣленно: «Осужденный былъ врагъ революціи; въ немъ не было душевной твердости; его пугалъ всякій шумъ на улицѣ; послѣ 9-го термидора онъ оставилъ мой домъ, и съ того времени я больше его не видала; какъ же вы хотите, чтобы я вспомнила его имя?». Послѣднія слова она произнесла съ загадочной улыбкой и съ такой грустью, по которымъ можно было судить, что

какъ имя осужденнаго, такъ и его судьба глубоко врѣзались въ ея памяти.

Поселившись у г-жи Вернэ, Кондорсэ на время спасъ свою жизнь, но лишился возможности служить своей родинѣ и быть опорой своей семьѣ; у него были отняты всѣ средства къ жизни. Самъ онъ въ то время не имѣлъ надобности въ деньгахъ, потому что г-жа Вернэ доставляла ему все необходимое; безкорыстіе этой женщины доходило до того, что она не хотѣла принять никакого вознагражденія отъ семейства Кондорсэ даже въ то время, когда оно сдѣлалось богатымъ и жило въ полномъ довольствѣ. Но въ тѣ грустные дни Кондорсэ сильно безпокоила участь жены и маленькой дочери. Онъ зналъ, что тогда каждая чистая, благородная женщина считала своей обязанностью удалиться изъ Парижа, женѣ же осужденнаго было опасно оставаться въ этомъ городѣ. Онъ былъ увѣренъ, что г-жи Кондорсэ не было въ Парижѣ; но чѣмъ же она жила, когда у нея все было отнято? она осталась съ маленькой дочерью, съ больной сестрой и старой гувернанткой. Онъ считалъ такой беззащитной и безпомощной эту избалованную свѣтскую женщину, аристократку, привыкшую къ услугамъ и поклоненію. Но природная энергія и обстоятельства выручили госпожу Кондорсэ. Въ трудныя минуты она проявила способность къ труду и величіе души. Во время террора каждый могъ опасаться за жизнь своихъ близкихъ и друзей, и желаніе обладать портретами дорогихъ людей принимало размѣры настоящей страсти. Г-жѣ Кондорсэ пришла счастливая мысль воспользоваться для этого своимъ талантомъ къ живописи. Сначала она сдѣлала нѣсколько замѣчательныхъ портретовъ просто изъ любезности, но они вышли такъ удачны, что ее завалили работой. Вскорѣ ей пришлось писать портреты въ тюрьмахъ, въ убѣжищахъ несчастныхъ и въ блестящихъ салонахъ, владѣльцы которыхъ подвергались опасности наравнѣ со всѣми другими гражданами. Въ Отейлѣ г-жа Кондорсэ списывала портреты даже съ революціонныхъ солдатъ и удивляла ихъ своимъ искусствомъ. Эта работа давала ей нѣкоторое время возможность существовать безбѣдно съ семьей, несмотря на страшную дороговизну. Узнавъ о мѣстопребываніи своего мужа, она ежедневно вмѣстѣ съ торговками приходила въ Парижъ и тайкомъ посѣщала его въ домѣ Вернэ. Вскорѣ она завела лавочку съ бѣльемъ и барыши отъ торговли употребляла на

содержаніе старыхъ служащихъ своего мужа, между которыми находился и прежній его секретарь Кардо.

Бодрое настроеніе жены и ея безграничная преданность не только мужу, но и его идеямъ были величайшимъ утѣшеніемъ для несчастнаго Кондорсэ; они возбудили въ немъ силы приняться за серьезный трудъ въ это тяжкое время.

Первое его сочиненіе, написанное въ домѣ г-жи Вернэ, не было въ то время напечатано; оно заключалось въ политической исповѣди и начиналось слѣдующими словами: «Не знаю, переживу ли я свое несчастіе; но моя жена, дочь и друзья могутъ пострадать отъ клеветы моихъ враговъ; во избѣжаніе этого, я обязанъ объяснить основанія своихъ поступковъ въ бурные дни революціи». Рукопись этого сочиненія состоитъ изъ сорока одной страницы мелкаго письма: оно обнимаетъ всю политическую дѣятельность Кондорсэ и обнаруживаетъ не только ея цѣльность, но рѣдкое безпристрастіе въ оцѣнкѣ событій. Напримѣръ онъ говоритъ: «Рѣзня 2 сентября—вѣчное пятно въ нашихъ лѣтописяхъ—была дѣломъ немногихъ злодѣевъ, а не цѣлаго народа, который, не имѣя силы удержать, принужденъ былъ допустить и смотрѣлъ на все съ ужасомъ. Злодѣи умѣли обмануть и гражданъ; національное собраніе имъ противилось слабо, не единодушно, потому что не имѣло настоящаго понятія о происшествіи».

Занятый умственнымъ трудомъ и успокоившись относительно участи жены и ребенка, Кондорсэ бодро переносилъ свое изгнаніе до того дня, какъ узналъ о трагической смерти жирондистовъ, осужденныхъ конвентомъ одновременно съ нимъ. Съ этого же момента его стала тревожить мысль объ опасности, которой онъ подвергалъ великодушную г-жу Вернэ; наконецъ онъ рѣшился сказать ей: «ваши благодѣянія никогда не изгладятся изъ моей памяти, но, преклоняясь передъ вашей самоотверженностью, я не могу болѣе ею пользоваться, это значило бы злоупотреблять ею. Законъ ясенъ: если найдутъ меня въ вашемъ домѣ, вы подвергаетесь одной участи со мной; я внѣ закона, я не могу долѣе оставаться у васъ». Госпожа Вернэ отвѣтила ему на это: «Конвентъ можетъ лишать покровительства законовъ, но не покровительства человѣколюбія. Потому вы останетесь у меня». Такъ говорила эта мужественная женщина въ то время, когда надъ ея домомъ былъ учрежденъ особый надзоръ, въ которомъ участвовала даже ея собственная

привратница! Но г-жа Вернэ знала человѣческое сердце, и вліяніе ея было такъ сильно, что она съумѣла расположить въ пользу Кондорсэ всѣхъ окружающихъ людей, и взявшіеся за нимъ слѣдить вскорѣ стали его беречь, въ томъ числѣ оказалась и упомянутая привратница.

Однажды Кондорсэ, поднимаясь по лѣстницѣ въ свою комнату, столкнулся съ *гражданиномъ* Марко, помощникомъ одного депутата въ конвентѣ. Марко принадлежалъ къ партіи Горы—враговъ Кондорсэ. Къ счастью, онъ на первый разъ не узналъ переодѣтаго Кондорсэ, но трудно было разсчитывать на то, что и другая встрѣча сойдетъ съ рукъ такъ-же благополучно. Марко жилъ въ домѣ Вернэ. Кондорсэ съ отчаяніемъ сообщилъ причину своего безпокойства хозяйкѣ; она сказала: «Подождите, я тотчасъ же улажу». Съ этими словами она пошла въ комнаты Марко и сказала ему прямо: «гражданинъ Кондорсэ живетъ подъ одной съ нами кровлей, если онъ погибнетъ, это будетъ вамъ грѣхъ. Вы—честный человѣкъ, и мнѣ нечего болѣе говорить!» Довѣріе и прямое обращеніе къ честности произвели желанное дѣйствіе. Марко, рискуя собственной жизнью, берегъ Кондорсэ и даже старался какъ нибудь его разсѣять и утѣшить: онъ снабжалъ его романами; философъ, лихорадочно занятый въ то время вопіющими вопросами жизни, поглощалъ ихъ съ жадностью. Госпожа Кондорсэ, страдая за любимаго мужа и боясь его потерять, искала забвенія въ умственномъ трудѣ; она принялась за обработку своего перевода сочиненія Адама Смита «О нравственныхъ чувствахъ». То, что́ переживалъ тогда самъ Кондорсэ, — выразилъ онъ прекрасно въ своемъ стихотвореніи, извѣстномъ подъ названіемъ: «Посланіе поляка, сосланнаго въ Сибирь, къ женѣ»; оно написано въ декабрѣ 1793 г.

Это первое и послѣднее стихотвореніе, написанное Кондорсэ, отличается изящной простотой. Мы приведемъ здѣсь въ краткихъ словахъ его содержаніе: «Я не воспѣвалъ въ стихахъ своего счастья, этимъ священнымъ кладомъ жило мое сердце, но когда есть на что́ жаловаться, тогда является желаніе высказаться. Мы придаемъ прелесть своимъ страданіямъ, смягчаемъ ихъ, описывая наши чувства. Не думай, что я не вынесу своего жребія: я выдержу все, совѣсть моя меня ни въ чемъ не упрекаетъ. Они мнѣ сказали: выбирай—быть палачемъ или жертвой, я предоставилъ имъ преступленіе и

взялъ на свою долю несчастіе. Но я живу далеко отъ тебя и отъ нашего дитяти». Затѣмъ слѣдуетъ воспоминаніе о счастливыхъ дняхъ тихой семейной жизни... Но отъ прошлаго Кондорсэ быстро переходитъ къ настоящему и снова обращается къ женѣ: «раздѣли со мной мои страданія и читай въ моемъ сердцѣ. Въ утломъ челнокѣ печальный пловецъ несется по волѣ вѣтра по бурному морю; въ оцѣпенѣніи онъ ждетъ рѣшенія своей участи: утонетъ ли онъ въ безднѣ, или доплыветъ до пристани? Хорошо, если онъ можетъ забыться и предаться золотымъ снамъ о будущемъ человѣчествѣ Но каково будетъ его пробужденіе? Перейдемъ однако къ тому, къ чему влечетъ меня мое сердце. Какъ ты думаешь, сохранитъ ли нашъ ребенокъ въ памяти черты своего осужденнаго отца? Скажи ему, что я его любилъ... И сохрани память о нашей любви. Защищай отъ враговъ моихъ мою честь и славу. Я служилъ своей родинѣ, я обладалъ твоимъ сердцемъ. Я въ жизни зналъ счастье...»

Эти раздирающія сердце строки писалъ Кондорсэ въ то время, когда, по словамъ Виктора Гюго, въ Парижѣ жили общественной жизнью; пили и ѣли на улицѣ; женщины, сидя на папертяхъ церквей, щипали корпію и пѣли «Марсельезу», ружья приготовлялись тутъ же на глазахъ у всѣхъ. Съ лицъ не сходила героическая улыбка. Въ театры ходили, какъ греки въ Аѳинахъ во времена пелопонезской войны. Каждый видѣлъ надъ своей головой гильотину; все наводило ужасъ, а между тѣмъ никто ничего не боялся. Всѣ куда-то спѣшили и никому не хватало времени. Не попадалось ни одной шляпы безъ трехцвѣтной кокарды. Вездѣ красовались бюсты Франклина, Руссо, Брута и на ряду съ ними бюстъ *Марата*. Въ открытыхъ лавочкахъ торговали бывшія монахини въ бѣлокурыхъ парикахъ; въ какомъ нибудь балаганѣ сидѣла и штопала чулки графиня; не одна маркиза въ то время превратилась въ швею и богатыя владѣтельницы отелей жили на чердакѣ. Каждую минуту всѣ могли ожидать какихъ нибудь важныхъ перемѣнъ; по улицамъ то и дѣло бѣгали разносчики газетъ, предлагая «новѣйшія извѣстія». Танцовали въ монастырскихъ развалинахъ и на кладбищахъ. Все было переименовано, начиная съ улицъ и кончая картами: короля звали геніемъ, даму—свободой, валета—равенствомъ, а туза—закономъ. Дороговизна была страшная, на все были баснословныя цѣны.

Проявленія благородства г-жи Вернэ, великодушіе окружающихъ и вліяніе жены снова подняли упавшую было энергію Кондорсэ; онъ опять съ жаромъ принялся за работу и началъ свое знаменитое сочиненіе «*Картина успѣховъ человѣческаго разума*». Оправданіе своихъ дѣйствій при такомъ возвышенномъ настроеніи казалось ему дѣломъ личнымъ; онъ хотѣлъ посвятить остатокъ своей жизни мыслямъ о будущемъ человѣчествѣ. Самъ Кондорсэ опредѣляетъ цѣль этого сочиненія слѣдующими словами: «По необходимости ограничиваюсь общимъ взглядомъ на фазы, чрезъ которыя проходилъ родъ человѣческій, то двигаясь впередъ, то отступая. Стараюсь выяснить причины совершившихся перемѣнъ... Это не отвлеченная наука о человѣчествѣ; я стремлюсь только объяснить, какимъ образомъ время обогащало умъ человѣческій новыми истинами, совершенствовало его, укрѣпляло его способности, *научало употреблять ихъ для частнаго и общаго благосостоянія*».

Въ этомъ сочиненіи Кондорсэ отчетливо проводитъ двѣ главныя мысли: о необходимости уравненія гражданскихъ и политическихъ правъ всѣхъ людей и о безконечномъ совершенствованіи рода человѣческаго. Въ началѣ девятнадцатаго вѣка модные въ то время писатели особенно нападали на вторую мысль, они считали ее несправедливой и опасной. «Journal des Débats» усмотрѣлъ въ ней даже опору для вредныхъ замысловъ. Чтобы искоренить эту идею, такъ прекрасно высказанную Кондорсэ, пытались доказывать принадлежность ея Вольтеру. Погруженный въ созерцаніе будущаго, онъ отвлекался отъ мрачнаго настоящаго и писалъ: «Придетъ время, когда корыстолюбіе и страсти не будутъ имѣть вліянія на нашу волю, какъ теперь они не имѣютъ вліянія на отвлеченную дѣятельность нашего ума. Все заставляетъ насъ думать, что мы приближаемся къ эпохѣ великихъ переворотовъ, ожидающихъ человѣка... Современное состояніе просвѣщенія служитъ залогомъ будущаго счастія». Такъ думалъ человѣкъ, не только несправедливо гонимый, но даже невинно осужденный на смерть...

Упорный наполняющій душу трудъ далъ Кондорсэ силу просуществовать еще нѣсколько мѣсяцевъ. Когда же богатый запасъ его памяти истощился и ему, за неимѣніемъ книгъ для справокъ, пришлось прекратить эту работу, онъ уже не могъ

отрѣшиться отъ мысли, какой опасности подвергаетъ онъ г-жу Вернэ, оставаясь у нея въ домѣ.

Ничто не могло поколебать его рѣшимости оставить убѣжище, которое, по его словамъ, было превращено въ рай попеченіями добродѣтельной хозяйки. Въ то же время Кондорсэ какъ нельзя лучше сознавалъ, что уйти изъ дома Вернэ для него значило погибнуть, остаться же—погубить; онъ предпочелъ первое и написалъ свое завѣщаніе, которое назвалъ «*совѣтами осужденнаго его дочери*». Араго говоритъ, что никогда не читалъ болѣе обдуманнаго завѣщанія и написаннаго съ бо́льшимъ чувствомъ; близость неизбѣжной смерти не нарушала его спокойствія; онъ почти равнодушно говоритъ о своей предстоящей кончинѣ. Его смущала только участь жены, и главное то, что дочери *можетъ быть* предстояло сдѣлаться круглой сиротой, что тогда? «Тогда—писалъ онъ—Элиза (дочь) должна будетъ считать г-жу Вернэ своею второю матерью; подъ руководствомъ этой превосходной женщины она выучится женскимъ рукодѣльямъ, рисованію, живописи и гравированію,—искусствамъ, необходимымъ для обезпеченія безбѣднаго существованія безъ непосильнаго труда и безъ униженія. Въ случаѣ необходимости Элиза должна искать покровительства въ Англіи, у лордовъ Стангона и Дира, или въ Америкѣ, у Баха, внука Франклина, и у Джефферсона. Поэтому ей необходимо познакомиться съ англійскимъ языкомъ. Впрочемъ все зависитъ отъ послѣдней воли ея матери. Когда настанетъ время, пусть прочтутъ Элизѣ наставленія ея отца, но постараются уничтожить въ ней всякое чувство ненависти и мести къ врагамъ отца: отъ этихъ чувствъ она должна навсегда отказаться въ память того, кто никогда не питалъ ихъ самъ.»

О своей признательности къ Вернэ Кондорсэ говоритъ въ томъ же завѣщаніи: «Пусть она сама представитъ себя на моемъ мѣстѣ и ея сердце пойметъ мои чувства».

26 марта 1794 г. Кондорсэ дописалъ послѣднія строки своего завѣщанія и рѣшился во чтобы то ни стало оставить г-жу Вернэ. Наканунѣ онъ получилъ письмо, въ которомъ его предупреждали объ обыскѣ, который предполагаютъ сдѣлать въ домѣ Вернэ. Хозяйка дома также получила письмо, въ которомъ ей совѣтовали *хорошенько спрятать все драгоцѣнное*. Но добрая женщина думала только о томъ, какъ спасти превосход-

наго человѣка; мысль, что Кондорсэ уйдетъ безъ ея вѣдома и погибнетъ, преслѣдовала ее. Въ роковой день Кондорсэ въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ сошелъ внизъ; это показалось подозрительнымъ Вернэ; стоя на лѣстницѣ, она не спускала съ него глазъ. Желая отвлечь какъ нибудь ея вниманіе, Кондорсэ затѣялъ длинный разговоръ съ однимъ изъ жильцовъ, но, взглянувъ на нее украдкой, онъ замѣтилъ въ лицѣ ея твердое желаніе не уходить; тогда, дѣлать нечего, онъ рѣшился въ первый и послѣдній разъ обмануть свою благодѣтельницу, опустилъ руку въ карманъ и сказалъ: «я забылъ наверху свою табакерку». Повинуясь привычкѣ услуживать Кондорсэ, г жа Вернэ побѣжала наверхъ за табакеркой. Воспользовавшись этой минутой, Кондорсэ бросился на улицу. Привратница, привыкшая беречь Кондорсэ, отчаянно вскрикнула; услышавъ ея крикъ, Вернэ поняла, что всѣ ея неусыпныя девятимѣсячныя хлопоты пропали даромъ, и упала въ обморокъ. Кондорсэ въ первую минуту за порогомъ дома Вернэ почувствовалъ облегченіе сердца и подумалъ: «ну, теперь она спасена». Не зная, что госпожа Вернэ лишилась чувствъ, онъ пробѣжалъ всю улицу Сервандони, боясь погони. На углу улицы Кондорсэ встрѣтилъ двоюроднаго брата Вернэ, который, сообразивъ въ чемъ дѣло, съ участіемъ замѣтилъ ему: «вашъ костюмъ выдаетъ васъ,—вы совсѣмъ не знаете дороги, васъ каждую минуту могутъ схватить; позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ проводить васъ за городъ».

Эта обыкновенная любезность во всякое другое время въ *тотъ моментъ* была проявленіемъ большого мужества, великодушія, даже отчаянной храбрости. Опасно было провожать Кондорсэ въ ясный день по многолюднымъ улицамъ, мимо тюремъ, изъ которыхъ заключенные выходили только на эшафотъ, и на каждомъ шагу читать объявленія, что всѣ оказывающіе помощь осужденнымъ подлежатъ смертной казни! Опасность увеличивалась еще оттого, что Кондорсэ не могъ ходить скоро; его ноги всегда были слабы, а въ послѣдніе девять мѣсяцевъ онъ отвыкъ отъ ходьбы. Въ три часа усталые бѣглецы были за городской заставой, и родственникъ Вернэ оставилъ Кондорсе у воротъ красиваго сельскаго домика, обитаемаго людьми, которымъ Кондорсэ помогалъ непрерывно цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Г-жа Сюоръ и ея мужъ, хозяева этого дома, холодно встрѣтили своего благодѣтеля и не соглашались принять его къ себѣ въ домъ ранѣе десяти часовъ

вечера; они обѣщали ему впрочемъ, что калитка будетъ отперта въ это время, пока же предложили ему укрыться въ каменоломняхъ Кламара и, чтобы ему тамъ не было скучно,—предложили оды Горація.

Кондорсэ машинально взялъ красиво переплетенный томикъ Горація и пошелъ съ твердымъ намѣреніемъ больше туда не возвращаться. На другой день г-жа Вернэ съ удрученнымъ сердцемъ обыскала всѣ окрестности этого мѣста и не нашла слѣдовъ Кондорсэ. Она внимательно осмотрѣла калитку, на которую ей указалъ ея родственникъ; передъ калиткою лежала куча мусора; было видно, что она не отворялась.

Боясь быть узнаннымъ, Кондорсэ оставилъ большую дорогу и забрался въ Медонскій лѣсъ, но тамъ не было еще никакой тѣни, листья на деревьяхъ только что развернулись, его легко могли найти. Онъ шелъ дальше и блуждалъ до тѣхъ поръ, пока въ силахъ былъ выносить свой голодъ; наконецъ онъ рѣшился зайти въ Кламаръ,—деревню, находившуюся у опушки лѣса, чтобы купить себѣ табаку. Въ первомъ попавшемся кабачкѣ онъ заказалъ себѣ яичницу и на вопросъ слуги, изъ сколькихъ яицъ, сказалъ—изъ двѣнадцати; онъ желалъ, чтобы его приняли за рабочаго, но не имѣлъ истиннаго понятія о нравахъ послѣдняго. Въ то смутное время, когда подозрѣніемъ была пропитана вся атмосфера, дюжина яицъ проязвела сильное впечатлѣніе; всѣ обратили вниманіе на Кондорсэ и замѣтили его безпокойный, разсѣянный видъ, его длинную бороду съ просѣдью, странную одежду и отказались признать его за простого рабочаго. На него посыпались разспросы, кто онъ. «Вы—не рабочій,—говорили одни,—у васъ такія бѣлыя, нѣжныя руки». Онъ назвался слугою. Но каменщикъ, членъ революціоннаго комитета, замѣтилъ ему: «А я такъ думаю, что вы изъ тѣхъ, которые сами имѣютъ слугъ... Гдѣ ваши бумаги»? Кондорсэ сказалъ, что не имѣетъ при себѣ бумагъ. Каменщикъ вызвалъ жандарма, чтобъ доставить Кондорсэ въ революціонный комитетъ. Кондорсэ не сопротивлялся, но вынулъ изъ кармана изящное портмонэ, желая заплатить хозяйкѣ; это портмонэ подтвердило подозрѣніе, что называвшій себя слугой и рабочимъ ни кто иной, какъ аристократъ. Онъ попросилъ размѣнять золотую монету и положилъ на столъ носовой платокъ, тонкость котораго послужила новой уликой; не упустили изъ вида также томикъ Горація въ зеленомъ сафьянномъ переплетѣ съ золо-

тымъ обрѣзомъ. Очевидно это былъ *важный* преступникъ; мѣстный революціонный комитетъ рѣшилъ препроводить его немедленно въ тюрьму Бургъ-ла-Рень. Дорогой Кондорсэ повредилъ себѣ ногу; онъ едва могъ держаться на ногахъ и падалъ въ обморокъ. Препровождавшіе его жандармъ и каменщикъ искали телѣжки, но никакъ не могли достать. Наконецъ первый встрѣчный мужикъ сжалился надъ нимъ, уступивъ ему свою лошадь, и это было послѣднимъ заявленіемъ состраданія лучшему человѣку...

Заключенный въ тюрьму Бургъ-ла-Рень, Кондорсэ чувствовалъ себя въ высшей степени утомленнымъ физически. Предполагаютъ, что онъ умеръ отъ разрыва сердца. Носились также слухи, что онъ отравился ядомъ, который постоянно носилъ въ перстнѣ. Въ послѣднія минуты возлѣ Кондорсэ не было близкаго человѣка, который бы могъ передать намъ, какъ и отчего онъ умеръ, но за нѣсколько дней до этого онъ писалъ: «Если я сожалѣю о своей жизни, то исключительно ради своей жены и Элизы (дочери); имъ она была нужна, и Софи она была такъ дорога. Что касается моей дѣятельности,—я свое дѣло сдѣлалъ: я боролся за благо человѣчества, я всю жизнь защищалъ права человѣка и послѣдніе дни свои посвятилъ борьбѣ за свободу. Всѣ мои мысли и чувства принадлежали свободѣ родного края. Я умираю, какъ Сократъ, служа истинѣ, не принимая ни малѣйшаго участія въ интригахъ и въ дикой ненависти партій, готовыхъ погубить все».

Утромъ 29 марта тюремщикъ въ Бургъ-ла-Рень пришелъ въ комнату Кондорсэ, чтобъ сдать его жандармамъ; но нашелъ только трупъ. Его похоронили на кладбищѣ Бургъ-ла-Рень подъ вымышленнымъ именемъ.

Ламартинъ въ своей «Исторіи жирондистовъ» описываетъ слѣдующимъ образомъ причину удаленія Кондорсэ изъ дома Вернэ; онъ говоритъ: «Еслибы Кондорсэ имѣлъ терпѣніе, то дожилъ бы до своего освобожденія; онъ погибъ отъ пылкаго воображенія. При наступленіи весны солнце стало заглядывать въ его комнату; въ немъ загорѣлось желаніе свободы, ему захотѣлось увидѣть небо и природу, и г-жа Вернэ принуждена была стеречь его, какъ плѣнника. Онъ только и говорилъ о томъ, какъ пріятно гулять по полямъ, сидѣть подъ тѣнью деревъ, слушать пѣніе птицъ, шумъ листьевъ и журчанье ручей-

ковъ. Первая зелень, которую онъ увидѣлъ изъ своего окна на деревьяхъ Люксембургской аллеи, довела его до безумія».

По поводу этого Араго замѣчаетъ: «Еслибы Кондорсэ руководило только желаніе сидѣть подъ деревомъ и слушать шумъ листьевъ, то онъ могъ бы удовлетворить ему, не выходя изъ дома: на дворѣ г-жи Вернэ расли пять превосходныхъ липъ. Люксембургской аллеи не видно изъ улицы Сервандони».

Наконецъ въ той мѣстности, куда устремился Кондорсэ, нѣтъ ни прекрасной зелени, ни живописныхъ ручейковъ.

Ламартинъ очевидно судилъ о причинахъ дѣйствій Кондорсэ съ той наивностью, съ какой дѣти объясняютъ себѣ поступки взрослыхъ людей. Слѣдуетъ ли послѣ того удивляться, что Ламартинъ не понималъ сложной личности Кондорсэ и считалъ его честолюбцемъ. Не избѣжала клеветы и вдова Кондорсэ; въ лагеряхъ, враждебныхъ ея мужу, ее изображали женщиной мстительной и честолюбивой, а Маратъ обвинялъ даже въ невѣрности мужу. Но все это лишено всякаго основанія; мы видѣли, что Кондорсэ въ самыя горькія минуты жизни былъ счастливъ любовью жены.

Единственная дочь Кондорсэ вышла впослѣдствіи замужъ за генерала Оконорэ. Она питала глубокое уваженіе къ памяти отца и въ 1847 г. предприняла полное изданіе его сочиненій. Араго упоминаетъ, какъ сильно была огорчена дочь, встрѣтившая въ «Исторіи жирондистовъ» невѣрное истолкованіе дѣйствій своего отца.

Черезъ годъ послѣ смерти Кондорсэ, 2-го апрѣля 1795 г., Дону, одинъ изъ представителей французскаго народа, отъ имени коммиссіи народнаго образованія обратился съ просьбой въ *національный конвентъ* дозволить ему пріобрѣсть три тысячи экземпляровъ посмертнаго труда Кондорсэ, извѣстнаго подъ названіемъ «Исторической картины успѣховъ человѣческаго разума», и употребить на это пріобрѣтеніе деньги изъ суммъ, располагаемыхъ коммиссіей для народнаго образованія. Дону заявилъ конвенту, что трудъ Кондорсэ есть классическая книга для школъ республики, драгоцѣнное наслѣдство, оставленное несчастнымъ философомъ своей родинѣ; сочиненіе Кондорсэ способно внушить молодому поколѣнію самую пламенную вѣру въ усовершенствованіе рода человѣческаго. Дону утверждалъ также, что книгу Кондорсэ будутъ читать и въ тѣ отдаленныя времена, когда забудутъ о существованіи Робеспьера.

Къ тому же, по мнѣнію Дону, конвентъ выразилъ бы этимъ должное уваженіе къ памяти собрата. Въ отвѣтъ на этотъ докладъ, національный конвентъ издалъ декретъ о пріобрѣтеніи упомянутаго сочиненія Кондорсэ для раздачи его по одному экземпляру каждому изъ представителей народа и для распространенія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ республики.

Такъ скоро наступили лучшія времена для Кондорсэ и все же ихъ не дождался тотъ человѣкъ, для котораго самое подходящее названіе «Uebermensch».

ГЛАВА VII.

Выдержки изъ завѣщанія Кондорсэ.—Совѣты дочери.—О состраданіи.—О трудѣ и счастіи.—О благотворительности.—О значеніи въ жизни различнаго рода привязанностей и симпатій.—О сознаніи своихъ ошибокъ.—Объ отношеніи къ собственнымъ страстямъ.

Мы заключимъ нашъ очеркъ жизни Кондорсэ выдержками изъ того завѣщанія, о которомъ уже упоминалось. Въ совѣтахъ дочери Кондорсэ высказалъ всѣ свои мысли о насущныхъ вопросахъ частной жизни, и они могутъ служить лучшей характеристикой тѣхъ правилъ, которыми онъ самъ руководился въ жизни.

«Любезная дочь моя,—говоритъ Кондорсэ,—сохрани всю силу своей природной чувствительности: она одна даетъ намъ возможность раздѣлять страданія всего чувствующаго. Не ограничивайся одними людьми; распространяй свое состраданіе и на животныхъ. Заботься о томъ, чтобы имъ жилось у тебя хорошо; не будь нечувствительна къ нехитрому выраженію признательности; никому не причиняй безполезныхъ огорченій.»

Далѣе Кондорсэ высказываетъ свои мысли о значеніи труда для счастья самого человѣка. Мы съ дѣтства привыкаемъ не только раздѣлять эти два понятія: трудъ и счастье, но считать ихъ противоположными, какъ бы исключающими другъ другу. Кондорсэ очевидно спѣшитъ предупредить это зло по отношенію къ своей дочери:

«Дитя мое, если мои ласки и заботы въ пору твоего ранняго дѣтства приносили тебѣ иногда пользу и утѣшеніе, если твое сердце хранитъ о нихъ память, то эти совѣты, продиктованные моимъ сердцемъ, будутъ приняты тобой съ нѣжнымъ довѣріемъ и послужатъ твоему счастью.»

«Въ какомъ бы положеніи ты ни находилась въ то время, когда будешь читать эти строки, написанныя вдали отъ тебя мною, равнодушно относящимся къ своей собственной судьбѣ, но занятымъ твоей участью, подумай, что все, чѣмъ ты располагаешь, непрочно...»

«Привыкай къ труду не съ единственной цѣлью обходиться безъ мелкихъ постороннихъ услугъ, но для того, чтобы трудъ удовлетворялъ всѣмъ твоимъ нуждамъ и чтобы, въ случаѣ крайней бѣдности, ты сохранила свою независимость.»

«Въ томъ случаѣ, если тебѣ не придется работать для хлѣба, умѣнье трудиться избавитъ тебя отъ страха передъ бѣдностью и дастъ тебѣ возможность спокойно взирать на перемѣны счастья. Ты меньше будешь дорожить богатствомъ, хорошо зная, что можешь безъ него обойтись.»

«Выбери себѣ такой трудъ, который бы не былъ исключительно ручнымъ трудомъ, но занималъ бы умъ, не слишкомъ его утомляя,—трудъ, окупающійся удовольствіемъ, имъ доставляемымъ; безъ него отвращеніе, внушаемое трудомъ, сдѣлаетъ тебѣ жизнь такой же несносной, какъ и зависимость.»

«Для людей, которые не ежеминутно заняты и притомъ одарены дѣятельнымъ умомъ, необходимость возбужденія новыми чувствами и мыслями обращается въ потребность. Если ты не въ состояніи жить одна, если тебѣ для избѣжанія скуки необходимы другіе люди, ты неминуемо должна будешь подчиняться ихъ вкусу и волѣ.»

«Удовольствія такого рода скоро перестаютъ занимать, они подобны игрушкамъ, которыя надоѣдали такъ скоро тебѣ въ дѣтствѣ. Пользуясь такими удовольствіями, вскорѣ пріучаешься цѣнить только ихъ новизну, да и новизна наконецъ перестаетъ производить впечатлѣніе »

«Для твоего собственнаго счастья необходимо запастись средствами, находящимися исключительно въ твоей волѣ, наполнять свой досугъ, прогонять скуку, умѣрять безпокойства, отвлекаться отъ горестнаго чувства. Все это могутъ дать только занятіе искусствами и умственный трудъ. Навыкъ во всемъ этомъ необходимо пріобрѣсть въ молодости. Если ты не достигнешь извѣстнаго совершенства въ искусствѣ, не разовьешь, не расширишь и не укрѣпишь своего разума систематическимъ ученьемъ, то эти источники счастья останутся для тебя всегда закрытыми; твое собственное ничтожество будетъ

внушать тебѣ отвращеніе, и удовольствіе скоро перейдетъ въ скуку. Употреби же часть своей юности на пріобрѣтеніе этихъ сокровищъ, такъ необходимыхъ для цѣлой жизни. Любовь матери и ея высоко-развитой умъ облегчатъ тебѣ сопряженныя съ этимъ трудности. Счастье есть даръ, который даетъ намъ природа: здѣсь на землѣ пожинаемъ мы только то, что посѣемъ.»

«Не думай, чтобы для этого были неизбѣжно необходимы особенные таланты и дары природы, зависящіе больше отъ нашей организаціи, чѣмъ отъ воспитанія и нашей воли. Если природа отказала тебѣ во всѣхъ этихъ дарахъ, поищи занятій болѣе скромныхъ, но чтобы польза, приносимая ими, возвышала ихъ въ твоихъ собственныхъ глазахъ. Если твоя рука не въ силахъ изобразить на полотнѣ ни красоты, ни игры страстей, то примись за изображеніе насѣкомыхъ и цвѣтовъ и дѣлай это съ точностью естествоиспытателя.»

«То-же относится и ко всякому другому занятію; оно должно обладать тѣмъ, что доставляетъ неизсякаемое удовольствіе, притомъ постоянно возобновляющееся,—это единственное средство, предохраняющее отъ скуки, которая предшествуетъ тупому отвращенію отъ жизни, безпредметной тоскѣ, этому истинному несчастью жизни вообще безмятежной и обезпеченной. Я тебѣ ни мало не совѣтую отстранять отъ себя удовольствія и огорченія, которыя вноситъ въ жизнь самолюбіе; не давай имъ только преобладать и избѣгай того, чтобы эти удовольствія не были единственной цѣлью всѣхъ твоихъ усилій.»

«Привычка дѣлать добро, испытывать нѣжныя чувства есть неисчерпаемый и чистѣйшій источникъ счастья. Она порождаетъ въ душѣ чувство мира, тихой радости, которая придаетъ извѣстную прелесть всѣмъ занятіямъ и даже простому существованію.»

«Пріучи себя съ юныхъ лѣтъ къ благотворительности, но къ благотворительности, просвѣщенной разумомъ и направляемой справедливостью. Не ограничивайся матеріальной денежной помощью, отдавай свои попеченія, свое время, свои знанія, доставляй нравственное утѣшеніе, которое часто дороже всякой помощи. При такихъ условіяхъ твоя благотворительность не будетъ исключительно зависѣть отъ твоего кошелька; для тебя же она будетъ служить занятіемъ и удовольствіемъ. Никогда не забывай, что нуждающійся въ помощи по природѣ своей равенъ дающему.»

«Не ограничивайся глубокими чувствами, которыми ты будешь связана съ немногими людьми; дай развиться въ твоемъ сердцѣ мирному расположенію къ людямъ, съ которыми сведетъ тебя случай, привычный образъ жизни, вкусы, занятія.»

«Пусть люди, оказавшіе тебѣ услуги, располагаютъ твоимъ чувствомъ, которое занимаетъ средину между дружбою и простымъ доброжелательствомъ, вложеннымъ въ насъ природой ко всѣмъ существамъ намъ подобнымъ.»

«Эти чувства освѣжаютъ и успокоиваютъ душу, часто утомленную и потрясенную слишкомъ живыми и сильными привязанностями. Они защищаютъ насъ отъ исключительной любви и тѣмъ предохраняютъ отъ ошибокъ и огорченій, сопряженныхъ со всякимъ излишествомъ. Судьба можетъ отнять у насъ нашихъ друзей, близкихъ родныхъ, все, что есть у насъ самаго дорогого; намъ часто приходится переживать ихъ, или страдать отъ ихъ равнодушія и несправедливой измѣны; другіе не могутъ намъ замѣнить ихъ; наша душа возстаетъ противъ этой замѣны, въ то же время чувства, въ нѣкоторомъ родѣ второстепенныя, не въ состояніи наполнить пустоты, образовавшейся въ нашей душѣ, но они мѣшаютъ намъ ощущать происходящій отъ этого ужасъ. Они насъ не излечиваютъ, даже не утѣшаютъ, но смягчаютъ горе, уничтожаютъ его острый характеръ, они помогаютъ времени превратить его въ ту привычную и мирную грусть, которая представляетъ даже нѣкоторую усладу для людей.»

«Имѣй храбрость сознавать свои ошибки. Это ощущеніе собственной смѣлости послужитъ тебѣ поддержкой. Къ сожалѣніямъ и угрызеніямъ совѣсти не будетъ присоединяться чувство униженія, сопровождающее всякую ложь. Дурные поступки менѣе вредны сами по себѣ для счастья и добродѣтели, чѣмъ по тѣмъ порокамъ, которые они порождаютъ въ слабыхъ и испорченныхъ людяхъ. Угрызенія совѣсти въ душѣ сильной, прямой и искренной вдохновляютъ ее на все доброе, честное; ея раскаяніе такъ же плодотворно, какъ и ея добродѣтели. Но само собой разумѣется, что наслажденія возрожденной души менѣе чисты и менѣе нѣжны, чѣмъ радости невиннаго сердца.»

Далѣе Кондорсэ говоритъ объ отношеніяхъ къ людскимъ слабостямъ и порокамъ и приходитъ къ тому, что *всѣ люди нуждаются въ снисхожденіи*, и совѣтуетъ дочери:

«Не ожидай и не требуй отъ другихъ, чтобы они дѣлали

тебѣ столько же, сколько ты имъ дѣлаешь. Если ты будешь приносить жертвы, не преувеличивай ихъ своимъ воображеніемъ. Ты сама убѣдишься, изучая общественныя условія во всѣхъ ихъ подробностяхъ, что самое пріятное и, смѣю сказать, самое удобное—жить для другихъ; только живя для другихъ—живешь въ сущности и для самого себя.»

Особую тонкость обнаруживаетъ Кондорсэ въ описаніи различныхъ оттѣнковъ симпатій между людьми и ихъ значенія въ жизни. Напримѣръ, онъ говоритъ о людяхъ, душа которыхъ сдѣлалась недоступной для большого счастья:

«Я не стану тебѣ давать безполезныхъ совѣтовъ избѣгать страстей, стараться умѣрить слишкомъ живую воспріимчивость, я настаиваю только на томъ, чтобы ты была искренной сама съ собою и ни въ какомъ случаѣ не преувеличивала бы свою чувствительность; бойся ложнаго энтузіазма страстей. Не всегда возможно быть господиномъ своего сердца, но всегда можно не возбуждать его насильно, и въ этомъ заключается все, что можно сказать противъ излишней чувствительности.»

Эти страницы написаны, какъ говоритъ Бёрне, кровью сердца и сокомъ нервовъ. Кондорсэ очевидно писалъ ихъ, переживая свое прошлое. Въ подтвержденіе этого предположенія приведемъ слѣдующій отрывокъ:

«Помни, дитя мое, что самый вѣрный залогъ счастья—это возможность сохранить уваженіе къ самому себѣ, окинуть взглядомъ весь пройденный жизненный путь безъ стыда и безъ угрызеній совѣсти. Это чувство такъ чисто и отрадно; оно можетъ успокоить душу въ то время, когда ее ничто не оживляетъ, ни одна мысль не занимаетъ и она отдается тихому мечтанью и передъ ней одно за другимъ встаютъ воспоминанія прошлаго».

ГЛАВА VIII.

Общіе итоги теоретической дѣятельности Кондорсэ: въ области математики, философіи, политической экономіи; главныя заслуги его въ области соціологіи, какъ *основателя теоріи прогресса*.—«Картина успѣховъ человѣческаго разума».—«Трактатъ о публичномъ образованіи».

Въ очеркѣ жизни Кондорсэ мы, какъ всегда, имѣли въ виду показать, при какихъ условіяхъ возникла и развилась его тео-

ретическая дѣятельность, и какое вліяніе на нее оказали различныя свойства его ума и характера, а также уяснить—какое значеніе она имѣла для него самого въ жизни. Теперь мы разсмотримъ эту дѣятельность съ другой точки зрѣнія и постараемся дать понятіе, какое мѣсто она занимаетъ въ исторіи тѣхъ наукъ, къ которымъ относилась, въ чемъ заключаются главныя научныя заслуги Кондорсэ, и познакомимъ читателя съ содержаніемъ двухъ сочиненій, представляющихъ интересъ и въ настоящее время.

Намъ извѣстно, что Кондорсэ занимался математикой въ своей молодости, да и въ то время никогда всецѣло не отдавался этой наукѣ. Однако онъ несомнѣнно доказалъ свой огромный талантъ и занялъ свое мѣсто въ исторіи математическихъ наукъ. Мы хотимъ этимъ сказать, что имя его встрѣчается на страницахъ этой исторіи и чаще всего въ исторіи теоріи вѣроятностей. Здѣсь онъ занимаетъ почетный рангъ; ему приписываютъ честь примѣненія теоріи вѣроятностей къ сложнымъ вопросамъ юриспруденціи и политической экономіи. Основателями теоріи вѣроятностей считаютъ Паскаля и Фермата. Зачатки мыслей Кондорсэ находятъ въ попыткахъ Николая Бернулли. Но главный трудъ принадлежитъ Кондорсэ. Можетъ быть бо́льшій успѣхъ Кондорсэ въ этой области объясняется тѣмъ, что онъ больше въ ней работалъ. Какъ мы видѣли, онъ началъ заниматься этимъ предметомъ весьма рано и даже въ послѣднемъ своемъ проектѣ конституціи 1793 г. предлагалъ конвенту новый способъ выборовъ, основанный на теоріи вѣроятностей. Онъ не былъ примѣненъ во Франціи, потому что и самый проектъ былъ отвергнутъ, но впослѣдствіи мы встрѣчаемъ успѣшное его примѣненіе въ Швейцаріи.

Въ исторіи теоретической астрономіи извѣстно разсужденіе Кондорсэ объ опредѣленіи пути кометъ, причемъ имя его упоминается здѣсь рядомъ съ именемъ Эйлера. Что касается трудовъ Кондорсэ по интегральному исчисленію, то имъ и въ настоящее время не сдѣлано надлежащей оцѣнки, и намъ остается сослаться на мнѣніе Араго, который говоритъ о нихъ слѣдующее: «въ нихъ заключаются впервые высказанныя глубокія мысли объ условіяхъ возможности интегрированія обыкновенныхъ дифференціальныхъ уравненій всѣхъ порядковъ; въ нихъ находятся мысли, разработанныя потомъ другими математиками,

можетъ быть никогда не читавшими самого Кондорсэ». Приблизительно такое же мнѣніе высказалъ объ его трудахъ геніальный Лагранжъ. Говоря о новыхъ въ то время взглядахъ Кондорсэ на сходимость родовъ, Лагранжъ добавляетъ, что «они открываютъ новый путь къ усовершенствованію интегральнаго исчисленія».

Мы говорили уже, что бо́льшая часть труда Кондорсэ по интегральному исчисленію, извѣстная Лагранжу, не дошла до насъ, и поэтому нельзя удивляться тому, что заслуги Кондорсэ въ этой области не оцѣнены по достоинству. Араго приводитъ также другое объясненіе этого явленія; онъ указываетъ на трудность прослѣдить въ математикѣ, что́ именно сдѣлано однимъ лицомъ, если заслуги его не представляются особенно крупными. Это не то, что́ въ естественныхъ наукахъ, гдѣ каждый скромный труженикъ можетъ оставить потомству свое имя!

Свои философскіе взгляды Кондорсэ высказывалъ при каждомъ удобномъ случаѣ, хотя и не оставилъ ни одного сочиненія, посвященнаго собственно одной философіи. Однако наиболѣе полное и систематическое изложеніе его взглядовъ можно найти въ перепискѣ съ Вольтеромъ. Сколько извѣстно, Кондорсэ никогда не писалъ о вопросахъ чистой метафизики; это объясняется слѣдующимъ его мнѣніемъ, высказаннымъ по поводу «Системы природы» Гольбаха: «метафизика останется темной областью еще на многія времена, можетъ быть навсегда». Вообще Кондорсэ относился къ вопросамъ философіи совершенно такъ же, какъ Вольтеръ, Даламберъ и другіе энциклопедисты. Философіи, по ихъ мнѣнію, надлежало освободить людей отъ суевѣрія, пробудить въ нихъ желаніе думать, выучить ихъ правильно разсуждать. Кондорсэ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе Вольтера: чѣмъ больше люди будутъ думать, тѣмъ менѣе они сдѣлаются способными къ несчастью. Общій интересъ человѣчества,— пишетъ онъ,—эта главная забота всѣхъ добродѣтельныхъ сердецъ,— требуетъ свободы мнѣній, свободы совѣсти, свободы культа прежде всего, потому что эта свобода одна можетъ установить братство людей. Разъ невозможно соединить людей одной вѣрой, — необходимо пріучить считать братьями всѣхъ людей, къ какой бы вѣрѣ они ни принадлежали. Одна свобода можетъ дать человѣческому разуму необходимую энергію для познанія истины; способствовать всему этому Кондорсэ вмѣ-

няетъ въ обязанность современной ему философіи и съ этой точки зрѣнія цѣнитъ заслуги современныхъ ему философовъ. Мы говорили уже объ его отношеніяхъ къ Вольтеру, дѣятельность котораго, по мнѣнію Кондорсэ, вполнѣ отвѣчала истинному назначенію философа. Но онъ не отказывалъ въ своей справедливой оцѣнкѣ и другимъ. Приведемъ слѣдующее мнѣніе его о Руссо: «если дѣти не носятъ больше корсетовъ, если ихъ разумъ не обременяютъ болѣе разныя прописи, если они свободны теперь отъ рабства и оковъ, то они обязаны этимъ Руссо».

Нравственность, основанная на расположеніи къ ближнимъ, на сознаніи прирожденнаго равенства людей, по мнѣнію Кондорсэ, всегда находила себѣ защитниковъ въ рядахъ философовъ. Объ обязанностяхъ философовъ относительно правителей онъ высказываетъ мнѣніе, что истинные враги королей—не философы, а патеры. Философы должны разливать свѣтъ, умиротворять, учить людей терпимости, заступаться за угнетенныхъ, искоренять вездѣ духъ фанатизма и политическаго ханжества. Убѣжденный въ этомъ, Кондорсэ стремился доказать, что вѣротерпимость необходима для устойчивости правительства. Въ 1781 г. онъ издалъ трактатъ о законахъ, регулировавшихъ въ то время права протестантовъ во Франціи. Результатъ этого труда былъ самый благопріятный: Людовикъ XVI рѣшился улучшить ихъ положеніе.

Воззрѣнія Кондорсэ на нравственность и ея происхожденіе мы находимъ главнымъ образомъ въ критикѣ сочиненій Гельвеція, въ письмахъ къ Тюрго и въ примѣчаніяхъ къ изданію «Писемъ Паскаля». Извѣстно, что Паскаль въ послѣдніе годы своей жизни занимался сочиненіемъ религіознаго характера. Затѣмъ оно было издано въ свѣтъ съ различными искаженіями отшельниками Портъ-Рояля, противниками янсенистовъ. Кондорсэ издалъ вновь «Письма Паскаля», возстановивъ пропущенныя мѣста и приложивъ свою трезвую критику. Книга эта не предназначалась для продажи, экземпляры этого изданія получили только друзья Кондорсэ. Паскаль, подъ вліяніемъ своей мизантропіи, говорилъ: «еслибы всѣ люди знали, что̀ толкуютъ о нихъ за глаза, то ни у кого не было бы друзей». Въ то же время онъ объясняетъ всѣ самые великодушные поступки человѣка себялюбіемъ и честолюбіемъ. Мы знаемъ уже, какъ да-

лекъ былъ Кондорсэ отъ теоріи эгоизма и утилитаризма. Противные ему взгляды онъ опровергалъ фактами. Приведемъ одинъ, заимствованный имъ изъ французскихъ морскихъ лѣтописей: у береговъ Франціи тонулъ корабль, на которомъ находился кавалеръ Лордо, неумѣвшій плавать; одинъ матросъ, ловкій пловецъ, сказалъ ему: «бросайтесь въ море и хватайте меня за ноги; я васъ спасу». Отъ долгаго плаванія силы матроса истощились. Лордо нѣкоторое время поддерживалъ въ немъ бодрость выраженіемъ своей признательности. Наконецъ матросъ опустилъ руки и сказалъ, что неминуемая гибель ждетъ ихъ обоихъ. «Но,—спросилъ Лордо,—а еслибы ты былъ одинъ? «Тогда, можетъ быть, мнѣ удалось бы спастись», отвѣчалъ матросъ. Услышавъ это, Лордо выпустилъ изъ рукъ ноги матроса и пошелъ ко дну. Такіе факты убѣждали Кондорсэ, что *корень нравственности есть чувство состраданія.* Онъ писалъ Тюрго: «Я пришелъ въ такую же ярость, какъ и вы, прочитавъ у Гельвеція, что дѣти ненавидятъ родителей и что мы любимъ только тѣхъ, кого презираемъ».

Признавая источникъ нравственности въ чувствѣ, Кондорсэ въ то же время усматривалъ тѣсную связь между умственнымъ развитіемъ и нравственностью.

Намъ извѣстны политико-экономическіе труды Кондорсэ; мы говорили о происхожденіи и значеніи ихъ въ жизни философа; намъ остается дать характеристику этой дѣятельности, познакомивъ читателя съ воззрѣніемъ на нее современныхъ экономистовъ. Большинство взглядовъ Кондорсэ, относящихся къ этой области знанія, представляютъ только дальнѣйшее развитіе чужихъ взглядовъ. Онъ самъ говоритъ: «То, что есть истиннаго и полезнаго въ моихъ взглядахъ, принадлежитъ не мнѣ». Онъ очевидно намекаетъ на сходство ихъ съ воззрѣніями Тюрго. И вообще Кондорсэ является прямымъ послѣдователемъ школы физіократовъ. Онъ развивалъ симпатичныя ему идеи и въ дополненіяхъ къ энциклопедіи, и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ подвергалъ обсужденію самые жгучіе и насущные вопросы.

Въ «*Письмахъ пикардскаго пахаря къ протекціонисту*», въ статьяхъ противъ *монополіи* и въ «Разсужденіи о барщинѣ» Кондорсэ первый высказалъ мысль, какую огромную выгоду представляетъ уничтоженіе крѣпостного права для

сельскаго хозяйства, для земледѣльцевъ и для землевладѣльцевъ. Всѣ эти сочиненія относятся къ 1775 г. Въ слѣдующемъ 1776 г. онъ издалъ свой самый блестящій экономическій трактатъ: «Разсужденія о хлѣбной торговлѣ». Въ немъ Кондорсэ, исходя изъ политической точки зрѣнія и поддерживая мнѣніе физіократовъ о преимуществахъ земледѣльческаго труда передъ трудомъ ремесленнымъ и фабричнымъ, высказываетъ мысль, что землевладѣльцы и земледѣльцы болѣе заинтересованы въ нуждахъ своего отечества, потому что болѣе къ нему, такъ сказать, прикрѣплены. Авторъ склоняется въ пользу земледѣлія, имѣя въ виду то, что деревенская жизнь менѣе развращающимъ образомъ дѣйствуетъ на физическую и нравственную природу человѣка. При всемъ томъ Кондорсэ нисколько не поддерживаетъ мнѣніе физіократовъ о безплодности ремесленнаго и фабричнаго труда, признанное въ настоящее время совершенно ложнымъ. Въ свободѣ же торговли онъ видитъ единственное средство для устраненія временной и мѣстной нужды. Только эта свобода открываетъ возможность конкуренціи, ведущей къ пониженію вознагражденія за посредничество; за этимъ же слѣдуетъ пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ. Но оно никогда не бываетъ чрезмѣрнымъ, что́ становится невыгоднымъ для всѣхъ классовъ. Кондорсэ утверждаетъ, что на положеніи рабочаго класса всегда плохо отзывается всякое большое и быстрое колебаніе цѣнъ на хлѣбъ; онъ видитъ все спасеніе въ уравновѣшиваніи цѣнъ помощью свободы торговли. Имѣя это въ виду, Кондорсэ высказывается не только въ пользу свободы внутренней, но и внѣшней торговли, говоря, что она приведетъ къ паденію средней цѣны на хлѣбъ не только въ какомъ нибудь одномъ данномъ государствѣ, но и въ цѣлой Европѣ. Въ то же время онъ допускаетъ нѣкоторое временное ограниченіе вывоза хлѣба изъ данной страны, когда этого дѣйствительно требуютъ обстоятельства.

Замѣтимъ также, что во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ, какъ и въ позднѣйшихъ политическаго характера Кондорсэ является защитникомъ частныхъ правъ и благосостоянія какъ отдѣльныхъ государствъ, такъ и лицъ, и нигдѣ не требуетъ безусловнаго принесенія ихъ въ жертву общему благу. Въ то же время онъ признаетъ такъ называемое право на трудъ и считаетъ обязанностью правительства приходить на помощь нуждаю-

щимся во время общественныхъ бѣдствій, въ случаѣ голода и т. д., и въ обыкновенное время считаетъ правительство обязаннымъ доставлять трудъ и заработокъ подданнымъ.

Во взглядахъ своихъ на налоги Кондорсэ также вполнѣ сходится съ физіократами. Онъ признаетъ самымъ справедливымъ подать, пропорціональную чистой выручкѣ, produit net. Для достиженія же этой пропорціональности рекомендуетъ прямой налогъ, взимаемый съ продуктовъ, собираемыхъ съ отдѣльныхъ участковъ земли.

Что же касается прогрессивнаго налога, то Кондорсэ нельзя причислить къ его защитникамъ. На вопросъ — долженъ ли богатый платить больше, чѣмъ слѣдуетъ, только потому, что онъ богатъ, Кондорсе отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: «Не будемъ подчиняться идеямъ преувеличенной нравственности; будемъ справедливы къ народу, но воздержимся отъ всякой несправедливости даже въ его пользу». Онъ отвергаетъ также всякій налогъ на роскошь и является рѣшительнымъ противникомъ всѣхъ косвенныхъ сборовъ. Послѣдніе, по его мнѣнію, всѣ въ концѣ концовъ сводятся къ прямымъ налогамъ, но влекутъ за собой большія издержки при взиманіи и могутъ принести денежную выгоду государству, только если сопровождаются разнаго рода стѣсненіями. По тѣмъ же причинамъ Кондорсэ возстаетъ еще больше противъ всякихъ личныхъ налоговъ, признавая изъ нихъ справедливыми одинъ квартирный, да и то въ такомъ случаѣ, когда ему не подлежатъ скромныя жилища. Легко понять, что при такихъ взглядахъ на налоги Кондорсэ былъ заклятымъ врагомъ всякаго рода монополій. Взгляды его на таможенныя пошлины находятся также въ полномъ соотвѣтствіи со всѣми приведенными нами здѣсь; онъ говоритъ: «такія пошлины вредны, такъ какъ, подавляя конкуренцію, онѣ устраняютъ единственное справедливое и практическое средство,—соревнованіе въ промышленности. Такія пошлины по природѣ своей несправедливы» И здѣсь, какъ всегда, Кондорсэ разсматриваетъ вопросъ съ двухъ сторонъ: со стороны справедливости и съ точки зрѣнія практичности. Въ послѣднемъ отношеніи пошлины имѣютъ еще то неудобство, что поощряютъ часто одни виды сельскаго производства и мануфактуры въ ущербъ другимъ. Но такое поощреніе обусловливается выборомъ, который можетъ оказаться ошибочнымъ, и т. д. По этому поводу Кондорсэ замѣчаетъ: «Администраторы! Предоставьте

этотъ выборъ частному интересу и природѣ вещей, которые никогда не ошибаются».

Всѣ эти взгляды изъ области политической экономіи вполнѣ отвѣчаютъ общимъ мнѣніямъ человѣка, убѣжденнаго въ томъ, что люди всѣхъ странъ должны имѣть одинъ общій интересъ.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ представителей физіократіи въ эпоху революціи и конвента Кондорсэ отличался наибольшей справедливостью къ Адаму Смиту; онъ какъ бы предугадывалъ значеніе его воззрѣній для будущаго и, опередивъ во многомъ своихъ современниковъ, ближе ихъ подходитъ къ воззрѣніямъ нашего вѣка.

И такъ, мы видимъ, что, хотя воззрѣнія Кондорсэ въ области политической экономіи имѣютъ весьма много общаго со школой физіократовъ, нельзя сказать, чтобы они были заимствованы имъ; напротивъ, эти воззрѣнія, можно сказать, такъ вытекали изъ его общихъ взглядовъ на вещи, они такъ обусловливались всѣми особенностями его души, что ихъ слѣдуетъ считать его неотъемлемой собственностью. Онъ взялъ многіе изъ нихъ, потому что нашелъ ихъ готовыми, но онъ пришелъ бы къ нимъ самъ. Отличаясь совершеннымъ отсутствіемъ тщеславія, Кондорсэ совершенно не заботился о томъ, чтобы создать въ какой нибудь области *свое*, онъ просто искалъ истину и заботился лишь о благѣ человѣчества.

Приложеніе математики къ вопросамъ политической экономіи было впервые сдѣлано Кондорсэ. Огюстъ Контъ и его послѣдователи не вполнѣ одобряютъ увлеченіе математика и утверждаютъ, что математическій методъ мало отвѣчаетъ сложности общественныхъ явленій. Все это, вообще говоря, справедливо, но настоящее все же подтвердило главную мысль Кондорсэ о приложимости ариѳметики къ вычисленію смертностей и рожденій; на этомъ Кетле создалъ цѣлую новую науку. Современные же экономисты признаютъ съ своей стороны, что примѣненіе математическаго метода въ политической экономіи, хотя и не можетъ обогатить эту науку новыми истинами, приноситъ пользу, позволяя точнѣе формулировать результаты. Намъ извѣстны три сочиненія Кондорсэ, въ которыхъ онъ главнымъ образомъ высказалъ свои мысли о примѣненіи математики къ рѣшенію вопросовъ, касающихся опредѣленія причинъ увеличенія и уменьшенія смертностей, также причинъ, обусловливающихъ колебаніе цѣнъ: 1) «Discours de M. de Condorcet

en réponse à celui de M. le comte de Choiseul-Gouffier» (le jeudi 26 février 1784), и 2) «Discours sur l'astronomie et le calcul des probabilités», lu au lycée 1787 и 3) «Tableau général de la science, qui a pour objet l'application du calcul aux sciences politiques et morales».

И современные экономисты признаютъ, что все, сдѣланное въ этомъ направленіи въ настоящее время, было въ общихъ чертахъ намѣчено Кондорсэ.

Заслуги нашего философа въ области политической экономіи легко понять, если вспомнить, что многіе просвѣщенные экономисты называютъ ее наукой, созданной Тюрго и Адамомъ Смитомъ: намъ же извѣстна тѣсная связь, существовавшая между Тюрго и Кондорсэ, при которой трудно даже опредѣлить, гдѣ кончалась мысль одного и начиналась работа другого.

Отъ трудовъ по политической экономіи переходимъ къ сочиненіямъ Кондорсэ, относящимся къ политикѣ. Число этихъ сочиненій очень велико. Мы не находимъ въ нихъ пристрастія къ какой нибудь формѣ правленія. Политическіе взгляды его, такъ ясно формулированные въ планѣ конституціи 1793 года, выработались у него постепенно. Изъ очерка жизни Кондорсэ мы видѣли, что онъ стоялъ за монархію, когда думалъ, что этимъ можно избавить его соотечественниковъ отъ бѣдствій помощью мирныхъ финансовыхъ реформъ. Но, мѣняя свои взгляды на формы правленія, онъ всю жизнь оставался вѣренъ глубокой ненависти къ деспотизму, въ какихъ бы видахъ онъ ни проявлялся. Кондорсэ не разъ выражалъ мнѣніе, что деспотизмъ многихъ лицъ—напримѣръ какой-нибудь корпораціи—даже вреднѣе и опаснѣе, чѣмъ деспотизмъ одного лица; въ послѣдніе годы своей жизни онъ первый заговорилъ о деспотизмѣ толпы. И можно сказать, что вся его политическая дѣятельность, теоретическая и практическая, была направлена къ огражденію всѣхъ и каждаго отъ деспотизма. Въ сочиненіяхъ своихъ, относящихся къ политикѣ, онъ высказалъ много самобытныхъ и плодотворныхъ мыслей. Въ своихъ «*Письмахъ Ньювегенскаго буржуа къ гражданину Виргиніи*» онъ стремится соединить всѣ выгоды представительства съ прямымъ участіемъ всего народа въ законодательствѣ. Такой взглядъ въ то время явился вполнѣ новымъ. Онъ смѣло предлагалъ реформы, не существовавшія въ англійской конституціи, передъ которой слѣпо пре-

клонялись тогда французы. Кондорсэ же возставалъ противъ консервативности англичанъ; онъ былъ ярый противникъ созданія *неизмѣнной конституціи*. Ему дорога была свобода грядущихъ поколѣній, и онъ стоялъ за пересмотръ конституціи для того, чтобы люди могли приспособить ее къ новымъ требованіямъ. Въ своихъ «Письмахъ американскаго гражданина» онъ возстаетъ противъ дѣйствій парламента, предусматривая, что парламенты готовятъ Франціи аристократическую тиранію. Изъ этого видно, что Кондорсэ далекъ былъ оттого, чтобы видѣть спасеніе во всевластномъ парламентѣ, подобномъ англійскому; онъ скорѣе былъ проникнутъ американской теоріей политической свободы.

Тѣсная дружба съ американскимъ посланникомъ Джефферсономъ много способствовала этому. Кондорсэ раздѣлялъ мнѣніе Джефферсона, что главной основой всѣхъ законовъ должны служить естественныя права человѣка. Эти права состоятъ въ свободѣ личности и ея безопасности, въ свободѣ собственности и ея безопасности, въ равенствѣ, не въ смыслѣ поголовной одинаковости образованія и состоянія, а въ смыслѣ отсутствія всякаго различія передъ закономъ. И въ политикѣ, какъ и въ политической экономіи, Кондорсэ является сторонникомъ землевладѣнія, врагомъ привилегій и допускаетъ только налоги, пропорціональные чистому доходу, обнаруживая во всемъ рѣдкую послѣдовательность и цѣльность въ міросозерцаніи. Мысли свои, относящіяся къ этимъ предметамъ, онъ излагалъ въ видѣ научныхъ трактатовъ или высказывалъ въ формѣ памфлетовъ, отличавшихся изысканнымъ остроуміемъ.

Главныя заслуги Кондорсэ относятся къ области соціологіи, истинной *философіи исторіи*, которой онъ положилъ начало. Въ этомъ отношеніи онъ, можно сказать, не имѣлъ предшественниковъ. Огюстъ Контъ, творецъ положительной философіи, говоритъ: «со временъ Монтескьё единственный успѣхъ, сдѣланный соціологіей, связанъ съ именемъ знаменитаго и несчастнаго Кондорсэ. Въ его трактатѣ впервые научно формулировано *поступательное* движеніе человѣчества. До Кондорсэ существовала теорія, уподобляющая исторію человѣчества жизни одного лица и сравнивающая различные періоды исторіи съ возрастомъ младенчества, возмужалости и старости. Такой взглядъ оказалъ вредное вліяніе; жизнь отдѣльныхъ народовъ разсматривали, какъ осужденную на смерть,

и думали, что если такая пора наступила для націи, то ничто не можетъ спасти ее; въ теоретическомъ отношеніи это отзывается вредно, представляя исторію человѣка какимъ то фатальнымъ круговоротомъ, и сверхъ того вліяетъ удручающимъ образомъ на энергію человѣка». Упомянутая теорія принадлежала Вико; она имѣла за себя кажущуюся правдоподобность; въ доказательство ея обыкновенно приводили сравненіе классическаго древняго міра съ феодальной анархіей среднихъ вѣковъ. Эти взгляды повели за собой мнѣніе, что человѣкъ, отдаляясь отъ своего «естественнаго состоянія», утрачиваетъ право личной свободы и равенства и, однимъ словомъ, идетъ назадъ. Кондорсэ же строго доказываетъ полную несостоятельность этого неутѣшительнаго мнѣнія. Въ то же время Кондорсэ не закрываетъ глазъ передъ печальными фактами— онъ признаетъ существованіе такихъ эпохъ, въ которыя человѣчество отступало назадъ или уклонялось отъ истиннаго пути. «Прогрессъ человѣческаго разума—говоритъ онъ—не всегда идетъ рука объ руку съ стремленіемъ людей къ добродѣтели и къ общему благу. Этимъ объясняется, почему въ средніе вѣка—эпоху полнаго упадка знаній—могла совершиться замѣна рабства крѣпостнымъ правомъ». Въ то же время онъ утверждаетъ, что не успѣхъ знаній, а упадокъ ихъ влечетъ за собой развитіе пороковъ. Разъясненія этихъ *кажущихся* противорѣчій составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ труда Кондорсэ.

Если мы сравнимъ сочиненія Огюста Конта съ трудами Кондорсэ, то увидимъ, что всѣ преимущества первыхъ обусловливаются только временемъ, т. е. прогрессомъ другихъ наукъ, которыя тѣсно связаны съ соціологіей. Во время Кондорсэ эти науки находились далеко не въ такомъ состояніи, въ какомъ находятся теперь. И весьма вѣроятно, что только это помѣшало Кондорсэ сдѣлаться творцомъ положительной философіи.

Взгляды Кондорсэ, о которыхъ мы говорили, высказаны имъ въ сочиненіи «Картина успѣховъ человѣческаго разума», которое было написано, какъ мы знаемъ, при самыхъ тягостныхъ условіяхъ. Въ предисловіи своемъ къ этому сочиненію авторъ говоритъ:

«Я долженъ ограничиться *общими* чертами, характеризующими различныя эпохи, черезъ которыя роду человѣческому

надлежало пройти; эпохи, свидѣтельствующія прогрессъ и регрессъ, раскрываютъ передъ нами ихъ причины и слѣдствія.»

«Я нисколько не намѣреваюсь здѣсь дать всеобщую исторію наукъ, искусствъ и философіи, но представить только часть этой исторіи, способную выяснить тотъ путь, которымъ пришли люди отъ перваго понятія о нумераціи къ дифференціальному исчисленію, отъ простѣйшихъ часовъ—къ самымъ совершеннымъ механизмамъ, отъ первыхъ двухъ-трехъ правилъ мудрости—къ философской системѣ Локка, Смита и другихъ мыслителей.»

«Я также уклонился бы въ другую сторону, еслибы вздумалъ дать полную теорію развитія человѣческихъ способностей, еслибы я задался цѣлью изложить въ подробности даже проявленія человѣческаго ума, природу нашихъ нравственныхъ чувствъ, подвести подъ какую нибудь систему соціальную науку, изложить правила, лежащія въ основѣ искусствъ.»

«Въ мой планъ не входитъ вообще исторія человѣка, я хотѣлъ показать только—*какъ* съ теченіемъ времени человѣкъ мало-по-малу обогатилъ свой умъ новыми истинами, усовершенствовалъ и расширилъ свои силы, научился ихъ лучше употреблять для своего собственнаго благосостоянія и для пользы общественной».

Однимъ словомъ, Кондорсэ стремился только доказать, что родъ человѣческій способенъ къ безпредѣльному усовершенствованію.

«Наши надежды,—говоритъ Кондорсэ,— относительно будущаго человѣчества сводятся къ тремъ главнымъ пунктамъ: къ уничтоженію неравенства между націями, къ увеличенію равенства между людьми, составляющими одинъ народъ; наконецъ къ истинному усовершенствованію самого человѣка». Отвѣчая на эти вопросы, Кондорсэ доказываетъ, что умственное развитіе въ концѣ-концовъ должно привести къ нравственному усовершенствованію. Если мы встрѣчаемъ противорѣчія этому въ исторіи, то это объясняется тѣмъ, что мы ограничиваемся черезъ-чуръ короткими промежутками времени, въ которые умственное и нравственное развитіе не могутъ находиться на одномъ уровнѣ. Что касается умственнаго развитія, то оно вполнѣ обезпечено; въ нашихъ рукахъ находится воспитаніе подростающаго поколѣнія, которому мы не только передаемъ запасъ пріобрѣтенныхъ человѣчествомъ знаній, но также и усовершенствованные методы для пріобрѣтенія новыхъ.

Однимъ изъ могущественныхъ средствъ для распространенія знаній могло-бы служить, по мнѣнію Кондорсэ, введеніе всемірнаго языка.

Подъ именемъ послѣдняго онъ разумѣетъ такой языкъ, который выражаетъ помощью знаковъ простыя и сложныя идеи, отношенія между ними и логическія операціи, свойственныя каждой отдѣльной наукѣ или искусству. Такимъ образомъ всѣ люди, изучившіе эти знаки, способы ихъ комбинацій и законы ихъ образованія, въ состояніи будутъ понять написанное на этомъ языкѣ и выразить съ большою легкостью на своемъ собственномъ. Такой языкъ будетъ служить для выраженія теоретическихъ взглядовъ, относящихся къ какой-нибудь наукѣ, для изложенія правилъ искусства, для сообщенія новаго опыта или наблюденія. Новый всемірный языкъ будутъ изучать вмѣстѣ и неразрывно съ данной наукой. И такъ, естественнымъ всемірнымъ языкомъ можетъ быть только отвлеченный языкъ знаковъ, а никакъ не языкъ звуковъ, который всегда заключаетъ въ себѣ много индивидуальнаго и психологическаго элемента или является чѣмъ-то искусственнымъ, потому плохо прививается; языкъ знаковъ также вполнѣ отвѣчаетъ общечеловѣческимъ логическимъ процессамъ. Но препятствіемъ къ введенію такого языка служатъ недостаточная ясность и выработанность понятій, лежащихъ въ основѣ многихъ наукъ.

Кондорсэ предсказываетъ также великую будущность теоріи вѣроятностей въ исторіи гуманныхъ наукъ. Вообще онъ выражаетъ въ этомъ сочиненіи самыя свои задушевныя мысли и пожеланія человѣчеству. «Картина успѣховъ человѣческаго разума» состоитъ изъ двухъ частей; первая часть заключаетъ въ себѣ всю картину прогресса въ самыхъ общихъ чертахъ. Эту часть Кондорсэ считалъ необходимымъ введеніемъ своего обширнаго труда. Вторую часть и слѣдующія за ней предполагалось посвятить изложенію фактовъ, служащихъ для развитія и подтвержденія общихъ выводовъ, высказанныхъ имъ въ первой части. Обладая изумительной памятью, Кондорсэ написалъ вторую часть, но къ великому своему горю увидѣлъ, какъ мы сказали, невозможность продолжать трудъ, не имѣя подъ руками никакихъ книгъ.

Кондорсэ дѣлитъ исторію человѣческаго прогресса на десять эпохъ; первая относится къ тому времени, когда люди сначала жили отдѣльными семьями; затѣмъ нѣсколько семей,

жившихъ по близости, соединялись въ одно цѣлое, какъ бы составляя одинъ народъ; вторая эпоха принадлежитъ пастушескимъ народамъ и переходу отъ этого состоянія къ земледѣлію; третья эпоха обнимаетъ собою успѣхи земледѣльческихъ народовъ до изобрѣтенія письма; четвертая эпоха—успѣхи человѣческаго ума въ Греціи до времени спеціализаціи наукъ, совершившейся въ царствованіе Александра Македонскаго; пятая эпоха—развитіе наукъ со времени ихъ спеціализаціи до ихъ упадка; шестая эпоха—упадокъ просвѣщенія, реставрація послѣдняго во время крестовыхъ походовъ; седьмая эпоха—первые успѣхи наукъ со времени ихъ реставраціи до начала книгопечатанія; восьмая эпоха—отъ изобрѣтенія книгопечатанія до того времени, когда философія и наука свергли иго авторитета; девятая эпоха—отъ Декарта до французской республики; десятая эпоха—будущіе успѣхи человѣческаго ума.

Уже изъ одного содержанія первой книги легко усмотрѣть, что это сочиненіе Кондорсэ отличается большой оригинальностью. Кондорсэ разсматриваетъ исторію человѣческаго прогресса не глазами оптимиста, а смотритъ на нея съ точки зрѣнія математика, — признавая всѣ уклоненія отъ прямого пути къ прогрессу весьма малыми, если принять во вниманіе, что путь этотъ безконечно великъ. Такой взглядъ не мѣшаетъ видѣть все, что́ есть дурного въ настоящемъ, и признавать регрессъ въ томъ или въ другомъ отношеніи; но онъ внушаетъ вѣру въ то, что все это—временное и не можетъ совершенно отклонить человѣчества отъ пути къ прогрессу умственному и нравственному. Въ десятой главѣ первой книги, посвященной будущему человѣчеству, мы читаемъ:

«Если человѣкъ можетъ съ большой достовѣрностью предсказывать явленія, законы которыхъ ему извѣстны; если даже, не зная этихъ законовъ, онъ въ состояніи судить о будущемъ по прошлому, то нѣтъ основанія считать химерою попытку представить себѣ картину будущаго человѣческаго рода, соображаясь съ его исторіей.»

«Въ наукахъ естественныхъ единственное основаніе вѣры—это идея, что всѣ общіе законы, извѣстные и неизвѣстные, но управляющіе явленіями вселенной, суть непреложные и неизмѣнные. Отчего-бы этотъ принципъ не долженъ имѣть силы въ исторіи развитія умственныхъ и нравственныхъ способностей человѣка?»

Мы говорили уже, какое важное значеніе Кондорсэ придавалъ воспитанію въ дѣлѣ усовершенствованія рода человѣческаго. Дополнимъ теперь сказанное нѣсколькими словами о его сочиненіи «Sur l'instruction publique» («Объ общественномъ образованіи»), имѣющемъ тѣсную связь съ предыдущимъ.

Кондорсэ дѣлитъ общественное образованіе на пять различныхъ ступеней. Первая ступень—первоначальная школа, дающая знанія, необходимыя для всѣхъ и каждаго; вторая ступень—школы, гдѣ получаются свѣдѣнія, необходимыя для отправленія простѣйшихъ обязанностей; 3-я ступень—институты, гдѣ, подъ руководствомъ профессоровъ, люди готовятся къ высшему образованію; 4-я—высшія заведенія или лицеи, и наконецъ пятая ступень представляетъ національное общество, направляющее образованіе цѣлой страны и занимающееся вообще усовершенствованіемъ наукъ и искусствъ.

Общественное воспитаніе, по мнѣнію Кондорсэ, составляетъ обязанность государства передъ согражданами. Безъ него невозможно равенство передъ закономъ. Философъ подробно развиваетъ это положеніе и доказываетъ его, какъ геометрическую теорему. Въ то же время онъ не допускаетъ мысли о поголовномъ равенствѣ образованія, которое вообще должно опредѣляться различными внутренними и внѣшними условіями; Кондорсэ съ большой ясностью устанавливаетъ minimum образованія, необходимый для того, чтобы одинъ человѣкъ не находился во власти другого, говоря: «человѣкъ, незнающій ариѳметики, разумѣется, находится съ зависимости отъ человѣка, обладающаго этимъ необходимымъ знаніемъ, но послѣдній нисколько не зависитъ отъ ученаго математика». Кондорсэ требуетъ, чтобы всѣ обладали знаніями, безусловно необходимыми въ жизни. Онъ долго останавливаетъ свое вниманіе на этомъ важномъ предметѣ и затѣмъ также строго доказываетъ, что *неравенство образованія есть первая причина порабощенія одного человѣка другимъ.*

Отъ образованія умственнаго онъ переходитъ къ нравственному развитію и отчетливо проводитъ мысль: для того, чтобы сгладить неравенство между людьми, необходимо уничтожить рѣзкія различія въ ихъ нравственныхъ чувствахъ, привычкахъ и обращеніи. Человѣкъ съ нѣжными, тонкими чувствами, хорошо воспитанный, неохотно протянетъ руку человѣку гру-

бому, неотесанному; поэтому необходимо, чтобы и въ этомъ отношеніи существовала такъ сказать, общая норма благовоспитанности для всѣхъ людей.

Во всѣхъ его взглядахъ проявляется безконечная любовь къ человѣческой природѣ.

Кондорсэ говоритъ: «при распредѣленіи труда надо имѣть въ виду, чтобы оно не приводило къ умственной тупости, не забивало бы тѣхъ способностей человѣка, которыя необходимы всѣмъ и каждому». Здѣсь авторъ входитъ въ большія подробности, устраняя тѣмъ всѣ могущія возникнуть недоразумѣнія.

Каждая строка этого сочиненія проникнута уваженіемъ къ правамъ человѣка. «Общественное воспитаніе должно ограничиваться образованіемъ—говоритъ Кондорсэ—и не посягать на права родителей, которымъ должно быть предоставлено нравственное воспитаніе».

Желая распространить необходимое образованіе между всѣми людьми, Кондорсэ придаетъ большое значеніе методамъ, облегчающимъ усвоеніе предмета.

Онъ высказываетъ мысль, что нельзя навязывать временныя мнѣнія, какъ вѣчныя истины, вступаясь всегда и вездѣ за неприкосновенность природы человѣка. Въ то же время онъ стремится къ тому, чтобъ общественное образованіе облегчало людямъ практическую жизнь, и совѣтуетъ сообразоваться съ требованіями времени. Сочиненіе его изобилуетъ также очень вѣрными замѣчаніями относительно болѣе частныхъ вопросовъ, обязанностей учителей и т. д. И всѣ эти частные взгляды строго отвѣчаютъ главной идеѣ: образованіе и воспитаніе должно подготовить людей къ равноправности. Согласно этому образованіе должно быть одинаковымъ для мужчинъ и для женщинъ. Такой же взглядъ проводилъ Даламберъ и другіе энциклопедисты. Изъ многихъ замѣчаній Кондорсэ видно, что не одна идея равенства привела его къ такимъ соображеніямъ; онъ утверждалъ, что женщины могутъ оказать пользу наукѣ, дѣлая наблюденія и составляя элементарныя книги; передъ его глазами были живые примѣры — труды его собственной жены, г-жи де-Шателэ и другихъ женщинъ XVIII столѣтія. Для воспитанія дѣтей Кондорсэ считалъ необходимымъ широкое образованіе матерей, и онъ съ глубокимъ знаніемъ дѣйствительной жизни уяснилъ своимъ современникамъ все зло, происходящее отъ отсутствія этого образованія.

Наконецъ неравное образованіе, по его мнѣнію, непремѣнно должно вести къ неравенству между членами семьи и помѣшать ихъ счастью. Этой мысли онъ посвящаетъ не мало такихъ страницъ, которыя и въ настоящее время могли бы выяснить многое; далѣе онъ развиваетъ мысль, что мужчины легче бы сохранили свои знанія, еслибы жены ихъ принимали участіе въ умственномъ трудѣ, и весьма поэтично описываетъ совмѣстный умственный трудъ мужчины и женщины. Онъ доказываетъ сверхъ того, что, помимо пользы, женщины имѣютъ несомнѣнное право на высшее образованіе, и приводитъ въ примѣръ итальянокъ, занимавшихъ съ успѣхомъ каѳедры въ университетахъ. Согласно всему этому Кондорсэ не только допускаетъ возможность, но даже считаетъ полезнымъ совмѣстное обученіе обоихъ половъ.

Вопросы о конкуренціи и ея послѣдствіяхъ конечно не принимались во вниманіе человѣкомъ, которому жизнь, по его же собственнымъ словамъ, представлялась не борьбой соперниковъ, а совмѣстной дѣятельностью людей—братьевъ. Эти взгляды Кондорсэ произвели глубокое впечатлѣніе между прочимъ на замѣчательную женщину его вѣка — математика и философа, на извѣстную Софи Жерменъ.

Кондорсэ признавалъ, что стимуломъ человѣческихъ дѣйствій всегда служитъ удовольствіе и личный интересъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ, что соціальныя науки должны стремиться уменьшить число случаевъ, въ которыхъ общественный интересъ противорѣчитъ личному; съ другой стороны воспитаніе и образованіе должны развить въ насъ *естественный* интересъ къ общественному благу.

Мы познакомили читателя съ тѣми изъ сочиненій Кондорсэ, въ которыхъ съ наибольшей отчетливостью выступаютъ его заслуги; они свидѣтельствуютъ о томъ, что Кондорсэ вообще отличался сильнымъ и оригинальнымъ умомъ, не уступая въ этомъ отношеніи самымъ выдающимся людямъ своего вѣка.